ГОРОД БЕЗ НАЗВАНИЯ

МАРТИ ЛИ БЬЯНКО

18+

Марти Ли Бьянко

Город без названия

«Автор»
2026

Бьянко М.

Город без названия / М. Бьянко — «Автор», 2026

В городе начинают умирать люди. Тихо, странно, с выражением покоя на лицах.Рей слишком хорошо знает, как выглядит смерть, и понимает: так не бывает.Ник быстро видит в происходящем закономерность.Они не друзья, они даже не знают друг о друге. У каждого своя жизнь, свои правила и свой способ оставаться незаметным. Оба давно решили не вмешиваться и не возвращаться к тому, от чего однажды ушли. Это работало. Пока смерти не начали повторяться. Пока не стало ясно, что оба понимают происходящее лучше, чем хотели бы. И что рано или поздно это приведет к ним обоим, к тем, кто слишком долго оставался в стороне.Это атмосферный психологический и мистический детектив, в котором расследуют смерти, а на самом деле учатся доверять и нести ответственность друг за друга.Рейтинг 18+ указан только из-за упоминания курения и алкоголя.

© Бьянко М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
1. Глава, в которой спокойствие мертвых тревожит живых 7
2. Глава, в которой чудо не происходит 13
3. Глава, в которой дождь не кончается, а совпадения множатся 18
4. Глава, в которой доверие оказывается роскошью 25
5. Глава, в которой каждый слышит свою правду 30
6. Глава, в которой все не те, кем кажутся 34
7. Глава, в которой одной логики недостаточно 39
8. Глава, в которой маршрут меняется 46
9. Глава, в которой день и ночь не спорят 52
10. Глава, в которой дождь перестает быть только дождем 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Марти Ли Бьянко
Город без названия

Содержание

1. Глава, в которой спокойствие мертвых тревожит живых
2. Глава, в которой чудо не происходит
3. Глава, в которой дождь не кончается, а совпадения множатся
4. Глава, в которой доверие оказывается роскошью
5. Глава, в которой каждый слышит свою правду
6. Глава, в которой все не те, кем кажутся
7. Глава, в которой одной логики недостаточно
8. Глава, в которой маршрут меняется
9. Глава, в которой день и ночь не спорят
10. Глава, в которой дождь перестает быть только дождем
11. Глава, в которой книга говорит, но не отвечает
12. Глава, в которой появляется «клуб нечеловеков»
13. Глава, в которой все вроде бы работает
14. Глава, в которой равновесие получает объяснение
15. Глава, в которой становится легче
16. Глава, в которой появляются варианты
17. Глава, в которой редкий виски оказывается открыт по очень неподходящему поводу
18. Глава, в которой кольца и кинжал значат больше, чем кажутся
19. Глава, в которой отпускают, чтобы удержать
20. Глава, в которой все вроде бы говорят правду
21. Глава, в которой все оказывается сложнее, чем хотелось бы
22. Глава, в которой правда оказывается хуже лжи
23. Глава, в которой ругаются на перекрестки и двери
24. Глава, в которой впечатление производит совсем не то, что было задумано
25. Глава, в которой забытый человек возвращается
26. Глава, в которой невмешательство оставляет подпись
27. Глава, в которой равенство не означает поровну
28. Глава, в которой каждый занимает свое место
29. Глава, в которой ответы опять оказываются не на те вопросы
30. Глава, в которой чужое лицо кое-что проясняет
31. Глава, в которой другие пути остаются открыты
32. Глава, в которой количество имеет значение
33. Глава, в которой стульев хватает на всех
Эпилог

1. Глава, в которой спокойствие мертвых тревожит живых

Пронзительные звуки сирены слышались издалека.

Ник вызвал скорую, но уже спустя пару мгновений, проверяя у лежащего на полу мужчины пульс, понял, что бесполезно, тело уже остыло.

Он устроился у распахнутого не по погоде окна — с самого утра бесконечно лил дождь, — закурил и мрачно оглядел комнату, невольно задержавшись взглядом на старинном зеркале. Ради этой вещицы он и оказался здесь.

«Проклятие! Какая сделка сорвалась. Мистер Хоуп будет в ярости».

Мелькнула мысль забрать зеркало и исчезнуть еще до приезда скорой, но от входной двери послышались шаги, и в комнату вошел врач. Едва взглянув на Ника, он опустился возле тела на колени, проверяя дыхание и пульс.

— Кажется, я поторопился, — негромко проговорил Ник, с интересом наблюдая за мужчиной в форменной куртке. Руки врача двигались завораживающе четко и уверенно. — Он, очевидно, мертв уже как несколько часов. Разумнее было сразу сказать оператору, что надо вызвать полицию.

Врач поднял глаза и чуть усмехнулся.

— А вы, выходит, разбираетесь? — Мягкий голос необычайно подходил его приятному лицу: длинные каштановые волосы были аккуратно собраны в хвост, а взгляд теплых карих глаз казался доброжелательным, хоть и усталым.

— Люблю криминальные фильмы, — кивнул Ник. Но врач, видимо, не понял связи и вопросительно приподнял брови.

— Тело уже было холодным, — пожав плечами, пояснил Ник и небрежным щелчком отправил окурок в дождливую хмарь за окном. — Но я сразу не сообразил, так-то на нем никаких ран нет.

Врач кивнул и продолжил осмотр. Ник же, снова глянув на труп, отметил, как странно спокойно выглядит его лицо — при жизни оно таким не было.

— Вы его знали? — Голос врача теперь звучал с некоторым недоумением.

— Видел один раз. Он должен был продать мне вот это, — Ник махнул рукой на небольшое антикварное зеркало в бронзовой раме в виде солнца. — Но, как видите, клиент больше не в состоянии обсуждать условия сделки, — пошутил он, но врач шутку не оценил — поморщился.

Из коридора донеслись шаги, и в проеме появился еще один мужчина в куртке с эмблемой скорой.

— Рей, фиксируем? — спросил он, кивая на труп, зевнул.

— Нет, — отозвался врач, поднимаясь с колен. — Сообщи оператору, что я вызываю наряд полиции. Мы остаемся на месте до их приезда.

— Принял, — без удивления кивнул его коллега, доставая рацию и скрываясь за дверью.

Доктор достал телефон, коротко связался с дежурной частью, уточнил адрес, поблагодарил диспетчера и опустил трубку. Видно было, что с процедурой он хорошо знаком, и это далеко не первый труп в его практике. Только вот Ник не мог не заметить, что врач не выглядел равнодушным, в отличие от своего напарника. Ник хмыкнул про себя и отвел взгляд.

Еще одна сирена стихла прямо под окнами. Передернув плечами — с улицы тянуло холодной влагой, — Ник закрыл створку окна. Но все равно было слышно, как дождь барабанит по жестяному козырьку, наполняя тишину ровным металлическим гулом. Комната с безликой мебелью выглядела так, будто умерла вместе с хозяином. Живым здесь оставалось только зер-

кало — бронзовые солнечные лучи на раме тепло поблескивали в свете лампы, тщетно пытаясь развеять унылый холод.

— Не так уж вы и разбираетесь… — тихо заметил доктор. — Не стоит ничего трогать на месте возможного преступления.

Ник только снова хмыкнул. Они одновременно обернулись на открывшуюся дверь. Пахнуло дождем, и в комнату вошел хмурый усатый сержант лет сорока, и следом за ним совсем молодая женщина-офицер. Выглядела она настолько эффектно, что Ник едва сдержался от замечания и только недоверчиво качнул головой — на фоне окружающей безнадежности ее красота и свежесть выглядели практически вызывающе.

Пока прибывшие представлялись по форме, цепкие глаза сержанта уже внимательно обшарили комнату. Прошлись по мертвому телу и зеркалу, скользнули по доктору и наконец вперились в Ника.

— Это я вас вызвал, сержант, — устало сказал доктор. — Мужчина, умер около восьми часов назад. Тело без внешних повреждений.

Сержант подошел и, не прикасаясь, осмотрел тело.

— Документы у вас, конечно, с собой, — он поднял взгляд на доктора. Тот протянул служебное удостоверение. Полицейский бегло взглянул.

— Доктор Хейл, — утвердительно проговорил он и передал карточку напарнице для протокола, а сам снова перевел взгляд на Ника:

— Это вы обнаружили тело?

Ник отдал ему свои документы и улыбнулся той самой улыбкой, что не раз выручала его из отчаянных ситуаций. Все же при всей его уверенности в благополучном исходе, положение, в котором он оказался сейчас, выглядело весьма незавидным: он обнаружил тело, а это значит — он первый потенциальный подозреваемый.

— Доминик Вален. Владелец антикварной галереи, — представился Ник. — Дверь была открыта. Я позвонил, как только понял, что …хммм… мужчина не дышит. У нас была назначена сделка, но… — он неопределенно махнул рукой в сторону тела, — как видите, клиент отменил встречу окончательно.

Рискованный маневр с шуткой в этот раз сработал как часы. Сержант неопределенно хмыкнул, а его молодая напарница (вблизи она оказалась совсем юной) едва сдержала улыбку. Только доктор Хейл снова болезненно скривился, очевидно считая такое поведение Ника не слишком уместным.

— Это и есть предмет несостоявшейся сделки? — девушка-офицер кивнула на старинное зеркало.

— Антиквариат. На любителя, причем очень узкого круга, — пояснил Ник.

Сержант задумчиво погладил пальцами усы.

— Имя умершего знаете?

— Джонатан Бриджес, — не задумываясь, ответил Ник, память на имена у него была отменная. — Так он, во всяком случае, мне представился, — подумав, решил добавить он.

— А какова причина смерти, доктор? — полицейский через плечо оглянулся на врача, который стоял у зеркала и с интересом его разглядывал.

— До вскрытия и токсикологии не скажу, — тот повернул голову. — Видимых причин нет.

Рация у офицера на поясе ожила. Пока полицейские переговаривались с дежурной частью и вызывали криминалистов, Ник с сожалением смотрел на предмет неудавшейся сделки. Доктор Хейл так и стоял рядом с зеркалом, даже собрался потрогать раму пальцами, но, видимо, вспомнил об отпечатках и отдернул руку. А Нику вдруг показалось, что в зеркале у отражения доктора за спиной мелькнуло что-то ослепительно белое.

Он моргнул.

«Нет, ерунда. Зеркало отражает то, что ему и положено отражать».

Ник тихо выдохнул сквозь зубы.

«Устал. И кофе в новой кофейне сегодня был отвратительным».

Сержант закончил с оформлением и внезапно звонко хлопнул в ладоши, очевидно привлекая к себе внимание. Все присутствующие вздрогнули.

— Доктор Хейл, спасибо. Вы свободны, — сказал он. И тот коротко кивнул.

Полицейский взглянул на Ника.

— А вам, мистер Вален, придется проехать с нами, — сказал он, но в его голосе слышались только сожаление и усталость.

— А как же, — усмехнулся Ник и пожал плечами. — Мне по жизни чертовски везет на длинные дождливые вечера…

Доктор встрепенулся, будто хотел как-то прокомментировать его слова, но потом все-таки передумал. Прежде чем попрощаться и уйти, он достал из чемоданчика белую салфетку и аккуратно накрыл ею лицо умершего. Удивительно, что Ник вообще это заметил — он как раз понял, что вполне предсказуемо заинтересовал девушку, и весело ей подмигнул.

— Офицер, надеюсь, вкусный кофе у вас в отделении для меня найдется?

Та недоуменно приподняла точеную бровь и окинула Ника тем самым взглядом, каким умеют смотреть очень немногие девушки. Он стойко выдержал ее взгляд, и она наконец в ответ улыбнулась, и улыбка вышла многообещающая. Сержант сделал вид, что хмурится, но только хмыкнул в седеющие усы.

— Кофе у нас из автомата. Но тут же смотря кто нальет, — негромко буркнул он. И Ник никак не мог с ним не согласиться.

— Я пока покурю на улице, — он вышел из квартиры в пробирающую до костей влажную хмарь. Стоял под козырьком подъезда, неспешно курил, наблюдая, как уезжает скорая со странным доктором, расплескивая колесами отражающийся в лужах неоновый свет Города.

Впереди маячило приятное приключение, и вечер, вопреки прогнозу, становился все интереснее. Вот только раздражающе ясно стояло перед глазами, как доктор накрывает лицо умершего мужчины… странно спокойное и умиротворенное для такой внезапной и непонятной смерти.

Смерть… Он всегда считал ее уродливой, слишком нелепой. Просто необходимостью, чтобы завершить человеческую жизнь. Но теперь в ней тоже явился смысл — не в ней самой, а в том, что она делала с живыми людьми. Заставляла их чувствовать глубже, любить сильнее, спешить жить. Пусть даже они сами этого не осознавали и не понимали, пока не сталкивались с ней напрямую.

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором снова всплыло мертвое лицо несостоявшегося клиента — бледное, но странно спокойное, словно человек просто уснул. Никаких признаков боли, страха и даже удивления наступившей смерти. К сожалению, Ник догадывался, кто или что могло вызвать такое. И это его беспокоило.

Он до сих пор так и не понял, почему оказался тогда на Земле. Просто щелчок… и вот он стоит посреди улицы, в шуме города, в человеческом теле, которым может свободно управлять. Это был не классический захват, с подавлением души, когда овладеваешь телом человека. В этом теле находился только он сам.

Он сначала думал, что это ошибка, и его быстро вернут. Но время шло, а за ним никто не приходил. Никакой связи он больше не чувствовал. Но он ее и не искал. Не знал, заметили ли «там», что его нет. И не хотел узнавать — совершенно точно не собирался туда возвращаться. От силы отказался в первый же день, чтобы не оставлять следов. Любое чудо будет светиться, как маячок на радаре. Он выбрал быть невидимым.

Пропавшим без вести.

* * *

После ночной смены есть и спать Рею никогда не хотелось, а вот выпить горячего чая было самое то.

Пристроив сушиться на вешалку куртку и накинув на себя по пути теплый домашний джемпер, он прошел на кухню.

Рей любил свою небольшую квартиру: уютная спальня и светлая кухня, совмещенная с гостиной, где на книжных полках рядом с медицинскими справочниками стояли романы Конрада и пьесы Шекспира. Рей мог бы давно переехать в квартиру побольше и посолиднее, но он просто уже привык. Здесь все дышало спокойствием. Его дом, его крепость, место, где, может, не ждут гостей, но если гости все же придут, им будут рады.

Рей быстро поставил чайник и замер перед окном. Тонкий свист закипающей воды накладывался на шум дождя — погода за неделю побила уже все рекорды. Хотелось расслабиться и выкинуть из головы все мысли, но необъяснимая смерть пациента никак не давала Рею покоя. Нужно дождаться результатов вскрытия и токсикологии, но что-то подсказывало, что это в данном случае не поможет.

Ни запахов алкоголя или препаратов, ни характерного для инфаркта цианоза. И слизистые у мертвеца оказались чистыми. Рей не увидел признаков асфиксии или болевого спазма: лицо человека выглядело спокойным, тело — расслабленным.

Рей знал, что так не бывает, за двадцать лет практики он повидал слишком много различных смертей, и у каждой было свое особое выражение. Здесь — ничего, словно человек прилег отдохнуть, и его просто «выключили».

Чайник засвистел, и Рей заварил себе в кружку чай. Аромат трав наполнил кухню: если закрыть глаза, можно было представить себе лето и цветущий луг. Он устроился за столом, грея о керамику застывшие пальцы. Сегодня, увы, упражнение не сработало, странная смерть упрямо не выходила из головы, как и не менее странный ее свидетель.

Доминик Вален с делано-ленивым взглядом из-под длинных ресниц. Темные глаза при этом смотрели на окружающих весьма остро.

Слишком дорогое пальто безупречного кроя, из очень хорошей ткани. Понятно, что куплено не в ближайшем магазине у дома. Сшито на заказ? Сколько нынче зарабатывают антиквары? Наверное, немало. Или это не основной его источник дохода?

Волосы черные, до пояса, струящиеся, как вода. Точно не дань моде, а словно тщательно продуманный образ. Только вот для кого продуман и зачем?

Мистер Вален вызывал слишком много вопросов. Вел себя вызывающе. Не просто без страха, а с уверенностью человека, который точно знает: это его следует опасаться.

Его неуместная шутка не вызвала раздражения у сержанта или его напарницы — напротив, именно после шутки оба словно мгновенно к нему расположились. Это было… странно, но почему-то в моменте смотрелось совершенно естественно.

— Гипноз?.. — вслух усмехнулся Рей, отпивая из кружки глоток. — Да нет. Конечно, нет.

Какая чушь лезет в голову! Нужно идти спать. Он сможет подумать об этом, когда проснется.

* * *

Лофт тонул в мягких тенях, в воздухе витал едва слышный запах дорогого вина. Пространство с высокими потолками и панорамными окнами смотрелось стильно и безупречно, как с обложки журнала.

Сквозь неплотно закрытые жалюзи в комнату проникал свет, расчерчивая пол и стены причудливым полосатым узором.

Огромная кровать возвышалась посреди комнаты, барная стойка заменяла кухню, несколько старинных картин висели на голой кирпичной стене, а ковер ручной работы прикрывал холодные каменные плиты пола.

Девушка безмятежно спала, подложив руку под щеку. Даже во сне довольная улыбка не сходила с ее губ. А ведь она совершила сегодня служебное преступление — вступила в связь со свидетелем (хорошо хоть не подозреваемым! Но на момент смерти клиента у Ника все же оказалось стопроцентное алиби, и его отпустили). Хотелось надеяться, что теперь напарник-сержант ее не выдаст.

Все обещанное улыбкой выполнилось с лихвой. Но все же, как любят говорить люди: «Это был просто секс. Ничего личного». Никакой привязанности и никаких обещаний. Ник слишком ценил свою независимость и покой. И еще в его обстоятельствах так было куда безопаснее.

И Ника все устраивало… Вот только привычное холодное послевкусие. Он не знал, как его верно назвать, но лишь только стихала страсть, оно настойчиво к нему возвращалось. Вот и сейчас все замерло — ни звука, ни движения. Даже дождь немного притих, впервые за несколько дней. Слышалось только дыхание спящей девушки рядом — ровное и живое, и уязвимое.

Люди никогда не задумывались, насколько хрупка, в сущности, человеческая жизнь. Ник же, потеряв бессмертие, остро ощущал разницу и хорошо помнил, что теперь и его жизнь конечна. Правда, за двадцать лет тоже начал уже привыкать. Он не старел, но тело его было живым, с ускоренной регенерацией, а при определенных обстоятельствах его вполне можно было бы убить. И вот тогда все оборвется в один момент: вкус вина и кофе, все удовольствия и прикосновения, все впечатления и эмоции, и аромат духов, и запах дождя. Хрупкость придавала ощущениям остроту.

Ник видел этот мир с самого начала времен, но только здесь, среди смертных, понял, как дорого одно мгновение. Вечность бесцветна. Сплошная ровная линия, в которой нет места для волнения или радости.

Он осторожно выскользнул из кровати, набросил на плечи халат и вышел на балкон. Закурил. Дождь и правда почти успокоился.

Ник выстроил себе новую жизнь — придумал имя, раздобыл документы. Постепенно обзавелся полезными знакомствами и связями. Люди сами шли к нему, он знал, как говорить и слушать, и умел очаровывать. Он снял подвал и стал торговать тем, что многие считали мусором, а он — вещами с памятью. Он обладал чутьем на редкости. Вот, например, то пресловутое старинное зеркало…

Ник с сожалением вздохнул и прикрыл глаза. Белое пятно — свет за спиной доктора в отражении — снова вспыхнуло в памяти.

Он скривился. Слишком похоже на…

— Мне просто показалось, — с усмешкой сказал он себе вслух.

2. Глава, в которой чудо не происходит

Сирена разрезала ночь, отражаясь эхом от промокших фасадов многоэтажных домов.

На каталке в скорой лежал мужчина лет шестидесяти с посеревшим лицом.

— Фибрилляция желудочков!

— Заряжаю. Разряд.

Фельдшер снова приложил мешок Амбу, Рей быстро ввел шприц с адреналином.

— Заряжаю. Разряд!

Пахло озоном, дождем и отчаянием. Фельдшер продолжал компрессию. Грудная клетка мужчины ритмично приподнималась. Но ритм сердца восстановить не удалось.

Рей смотрел на экран.

— Асистолия.

В груди просыпалось то особое ощущение. Он знал, что стоит только коснуться этой грани внутри себя, и сердце мужчины снова запустится. Он еще здесь. Рей может его вернуть прямо сейчас. Одно невесомое касание, и смерть отступит…

Рей сжал кулаки и про себя твердо сказал: «Нельзя. Без чудес. Я — человек».

И уже вслух, глухо:

— Еще адреналин.

Время растворялось в равномерных толчках компрессии. На мониторе — все та же асистолия и тонкий безнадежный писк.

— Еще.

Две минуты.

— Ритма нет.

Рей медленно выпрямился, снял перчатки, бросил в контейнер.

— Иногда просто не судьба, — фельдшер пожал плечами. А Рей кивнул и ровно проговорил:

— Время смерти шесть пятьдесят три.

Он стоял несколько секунд неподвижно, чувствовал — граница все еще рядом, совсем близко. И отступил, сделав тот же выбор, который совершал раз за разом.

Без чудес.

Сирена смолкла, а мир продолжал жить дальше, будто ничего не случилось.

* * *

Рей вернулся на станцию и сдал машину. Запах дождя просачивался в коридор каждый раз, когда кто-то открывал наружную дверь — фельдшеры и врачи спешили, принимали смену и уезжали на вызовы.

Рей переоделся и присел в маленькой комнате отдыха, все еще не находя в себе сил поехать домой.

Он узнал ее шаги еще раньше, чем увидел, кто к нему подошел. Эмили. Она несколько лет работала фельдшером в его бригаде, пока сдавала экзамены на подтверждение диплома. Талантливый врач, но она приехала из другой страны, и таковы правила. Месяц назад ее мечта наконец-то осуществилась.

Аромат кофе приятно защекотал ноздри, густой, маслянистый, с легкими ореховыми нотками, а не тот кисловатый, из автомата. Эмили признавала только сваренный собственноручно, у нее на все были свои правила. В его руку опустился горячий стаканчик-крышка от термоса.

— Под конец смены… — Рей услышал ее чуть резковатый голос с едва различимым акцентом, но так и не смог поднять головы. Адреналин схлынул, и взамен навалилась апатия. — Если уж ты не вытащил, никто бы не смог.

Рей вяло кивнул в ответ. Коллеги могли бы завидовать его статистике, однако он вызывал у них только тихое уважение.

Стоило ему заговорить, родственники, еще минуту назад кричавшие от страха и бессилия, замолкали и отходили в сторону. Даже самые сложные пациенты переставали паниковать — ловили его голос, дышали в заданном ритме и больше не спорили.

— Знаешь, а тебе хуже, чем нам… — задумчиво проговорила Эмили, и Рей от неожиданности моргнул. Что она имела в виду, отделяя «его» от «других»? Он медленно поднял на нее озадаченный взгляд.

— Ты редко теряешь, Рей. Очень редко. И каждый раз переживаешь так, будто в первый. — Она всегда говорила прямо, как думала, и иногда получалось излишне резко, но зато честно, но именно это Рею в ней и нравилось.

— Мы привыкаем. Это неизбежно. А ты — нет, — она сердито дернула плечом. — Вот в чем беда. Это делает тебя чертовски хорошим врачом, но и имеет свою цену.

Рей снова опустил взгляд на кофе и ничего не ответил, поскольку знал все об этой цене. Иногда он сам не понимал, как вообще до сих пор держится, но и сейчас выбрал бы то же, что и двадцать лет назад. И выбирал бы снова и снова.

Он хорошо помнил…

* * *

Воздух тогда так же пронзительно пах дождем — первое испытанное ощущение, еще до того, как он открыл глаза. А следом на лицо упали холодные капли.

Он огляделся, ошеломленный шумом Города. Еще не успел ничего толком понять, как задрожал, потому что накрыла паника — он не ощущал обычной связи с Системой.

Прежде все было понятно: у него всегда была задача, определенная цель и четкие указания. Он знал, где должен находиться и что делать. При этом ему никогда не приходилось входить в человеческое тело, и даже самые обычные ощущения сейчас казались ему непривычными. Но гораздо больше пугало другое: задания не было, связи тоже, никто не объяснял, что делать дальше — самостоятельно решать, куда идти и как поступать, ему прежде не приходилось.

Рей (тогда его, конечно, звали иначе) не понимал, почему он здесь, и решил, что за ним обязательно скоро придут, просто нужно немного выждать. Вот можно пока спрятаться от дождя на автобусной остановке.

Одежда и обувь на нем были теплые, но спустя время он все равно замерз — в первую очередь онемели руки, и Рей впервые понял, как в человеческом теле ощущается холод.

Но он все еще терпеливо ждал.

Подъехал автобус, двери открылись, и маленький мальчик неловко шагнул с подножки, упал и заплакал. Рей встрепенулся, но женщина рядом уже помогла мальчику подняться, обняла, что-то тихо проговорила, и тот обнял ее в ответ, прижался, после чего быстро вытер слезы. И от расцветшей после этого на его губах улыбки у Рея странно потеплело в груди.

Шло время, но никто не приходил, и тогда он понял, что придется самому искать путь обратно.

— Ты чего здесь сидишь? — Голос прозвучал так резко и строго, что Рей вздрогнул, поднимая голову. Совсем молодой парень хмуро смотрел на него из-под свисающих на лицо спутанных каштановых прядей, очевидно призванных скрыть желтеющие на скуле синяки.

— Я… жду… — только и смог выдавить Рей. И в этот момент в первый раз услышал свой человеческий голос, который прозвучал очень непривычно и странно.

Парень прищурился и фыркнул.

— Чего? Встречи с пневмонией? — он бесцеремонно схватил Рея за запястье и потянул. Прикосновение вспыхнуло в голове фейерверком, кожу буквально обожгло, и Рей дернулся, ошеломленный касанием чужих горячих пальцев.

— Тоже сбежал? — парень кивнул, будто подтверждая свою догадку, но, правда, больше не пытался к нему притрагиваться. — Пойдем. Мне сказали, что там помогут. — Он неопределенно махнул рукой и уже двинулся было вперед, как вдруг остановился, сморщился, схватился за живот. Но постояв и отдышавшись пару секунд, снова решительно шагнул вперед, а ошарашенный Рей послушно пошел за ним следом.

Они шли по улице вдоль мокрых витрин магазинов.

— Отчим, он, ну, полицейский. У него свои методы, — деловито рассказывал парень. — Считает, что с кулаками лучше доходит, — он замолчал на секунду, выругался сквозь зубы, сплюнул на тротуар, а потом продолжил:

— Мать видит все. Просто… — его щека на секунду дернулась, после чего он продолжил, — делает вид, что нет. И пьет, по-тихому, чтобы никто не заметил.

Он вдруг ускорился, словно боялся остановиться, и Рей тоже невольно за ним прибавил шаг.

— Я поступил в колледж. На медбрата. Еле-еле прошел… думал, ну все, выбрался из этого дерьма! Но на днях этот… Короче, нормально так меня приложил. И я решил — все, хватит! — Парень вдруг засуетился и прямо на ходу полез в рюкзак. — Есть хочешь? — не дожидаясь ответа, он достал булку, разломил пополам, протянул половину Рею, и тот машинально принял угощение, поднес к губам. Пахло приятно. Вкусно?

— До ночлежки дотянул. Там сказали… есть место. «Там у тебя будет шанс», — передразнил парень чужой голос. — Вот иду.

Рей молча слушал, шел рядом и жевал булку. Он не знал, что сказать, но чем дальше они шли, тем сильнее его поражало, как эта история отзывается в нем самом — лишает слов, вспыхивает неожиданным, почти пугающим набором эмоций. Он пытался их осознать: гнев, страх, тоска, сострадание, но поначалу просто не успевал, из-за того, что сердце то бешено билось, то сжималось так, что перехватывало дыхание, а руки дрожали. Как будто чужой человеческий опыт перетекал напрямую в его нервы.

Они свернули за угол и вышли на площадь к Храму. Он высился на широкой площади, величественный и суровый, из темного от влаги камня, с узкими строгими прорезями окон и уходящими вверх ступенями. Внезапный глубокий звон колоколов прорезал тишину дождя.

Вот он его шанс вернуться! Рей замер, чувствуя, как изнутри идет импульс — стоит просто подняться по этим ступеням, войти под свод, и снова станешь частью целого.

Его увидят, узнают, заберут обратно.

Вот только эта мысль его больше совсем не радовала. Он тут же вспомнил холод дождевых капель на коже, вкус булки, улыбку ребенка на автобусной остановке. Сердце пропустило удар.

«Тоже сбежал?» — спросил его парень, не подозревая, как близок он к истине.

Раньше Рей действовал без колебаний, не имел возможности выбора, а сейчас он впервые ощущал себя кем-то отдельным. Чувство было новым и таким острым, что он не хотел его отпускать. Более того, он не готов был отдать назад даже гнев и тоску, такие пугающе сильные, но такие человеческие и настоящие.

— Ты идешь? — парень снова смотрел на него, прищурившись.

— Иду, — кивнул Рей и решительно отвернулся от Храма.

Когда они подошли ко входу здания Центра, парень замедлил шаг, затем снова согнулся, уцепившись рукой за перила.

— Эй… — выдохнул Рей, увидев, что он падает и подхватывая его под руки. Парень тяжело дышал, перемежая вдохи хрипами. Синева проступила на губах, виски покрылись потом. Он обмяк, а Рей тут же вздрогнул от болезненного потока ощущений от нового прикосновения, и даже в таком состоянии все равно сумел понять — парень умирает у него на глазах.

В мире Рея смерть служила лишь переходом, здесь же она выглядела чем-то окончательным и неотвратимым.

Из здания выбежали люди, зашумели. Парня уложили на крыльце, и кто-то из персонала стал оказывать ему первую помощь. Рей стоял рядом, до побелевших костяшек сжимая в руках рюкзак. Грань была совсем близко: стоило только коснуться ее, и он бы вернул парня.

Рей уже потянулся к силе, когда вдруг ощутил знакомый отклик. Канал, молчавший с самого его появления в Городе, начал открываться.

И тогда он понял: все это время Система его не видела, но стоит совершить чудо, и его обнаружат, найдут, пришлют за ним Посланника.

Рей посмотрел на парня: тот еще недавно делился с ним булкой, рассказывал о колледже, о том, как собирается начать новую жизнь. Сам привел его сюда, хотя едва держался на ногах. А теперь лежал перед ним и умирал.

Рей мог его спасти. Нужно было лишь протянуть руку, и парень снова откроет глаза, снова сможет дышать. Все еще можно исправить.

Рей снова потянулся к грани и снова замер. Он ведь только что выбрал остаться. Впервые почувствовал себя живым, отдельным от Системы. Коснувшись, он потеряет все это, даже толком не успев понять, что именно обрел.

Он перевел взгляд на лицо умирающего парня. Хотелось немедленно помочь, не раздумывая. Но… нет…

«Без чудес. Ты сам выбрал быть человеком».

Рей отдернул руку.

Скорая приехала слишком поздно. Когда двое медиков подняли носилки и скрылись в дверях машины, замершего в растерянности Рея увели в здание, усадили на диван и сунули в руки стакан чая. Женщина с усталыми глазами присела с ним рядом, и он дернулся от неожиданности, разлил горячий чай и уронил рюкзак. Вещи и документы рассыпались.

— Меня зовут Сара, — мягко сказала она, быстро собирая вещи с пола. — Вы пришли вместе?

Рей кивнул, с недоумением разглядывая горящие от кипятка пальцы.

— Знаешь его имя?

— Мы встретились там. На остановке. Он не назвался, только сказал, что здесь помогут… — Голос сорвался, Рей все еще не привык к его звучанию.

Он откашлялся и стал торопливо рассказывать, что говорил ему тот парень. И об отчиме, и о матери, и о колледже. Он хотел, чтобы эта женщина все узнала и поняла, чтобы эта смерть не осталась без ответа. Эмоции захлестывали, и теперь Рей сам сбивался и путал слова, но она внимательно слушала, не перебивала и только медленно крутила в руках поднятую с пола карточку с фотографией. Когда он закончил, она серьезно посмотрела на него и сказала:

— Вот что, Лиам. Главное, помни, теперь ты в безопасности.

Рей ошеломленно заморгал на неожиданное обращение, но, увидев карточку в ее руках, тут же понял — она приняла его за того погибшего парня. Он открыл уже рот, чтобы возразить, но не успел ничего сказать, в комнату вошел мужчина и приветливо улыбнулся.

— Ну что тут у нас? Привет, я Марк, — он кивнул Рею.

— Отчим-полицейский, — женщина скривилась и передернула плечами, протягивая карточку.

«Вот сейчас…» — Рей задержал дыхание, с ужасом ожидая разоблачения. Мужчина же, взглянув на документ, сочувственно улыбнулся, а потом очень серьезно проговорил:

— Лиам Портер, не бойся, мы тебя защитим. Он тебя не достанет. А если захочешь, можешь даже потом сменить имя.

И Рей выдохнул, а потом судорожно сглотнул, не найдя в себе сил спорить.

Когда все бумаги были оформлены, его отвели в отдельную комнату, дали сухую одежду. Он сел на кровать, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Потом огляделся. Заметив на стене небольшое зеркало, Рей встал, медленно подошел к нему и впервые посмотрел на свое отражение. На него смотрел испуганный подросток лет семнадцати: длинные каштановые волосы, светлая кожа, карие глаза… как и у того несчастного парня. Подбородок и овал лица тоже были похожи…

Вот значит как. Странное совпадение. Что это было, ошибка или знак?

Рей поднял руку, и двойник в зеркале повторил его жест. Непонятно и страшно, но теперь это была его собственная жизнь, особенная, и он впервые ощущал себя настоящим, живым, *человеком*.

* * *

Рей моргнул, когда звук открывшейся двери вернул его в комнату отдыха. Времени прошло немного, кофе в его руках еще даже не успел остыть.

Маленький телевизор привычно бубнил утренний выпуск новостей.

— Это уже третья за неделю «спокойная» смерть, как ее окрестили в СМИ, — ровно проговорила диктор. — Полиция пока отказывается связывать эти случаи, но эксперты отмечают необычное выражение на лицах умерших людей…

Рей застыл. Третья смерть? Горло сжало и перехватило дыхание.

— Что там еще за выражение? — зевая, бросил фельдшер из его бригады, размешивая сахар в стаканчике с кофе.

— Лицо, как у спящего. — Рей не разобрал, кто именно из коллег ему ответил, поскольку сосредоточился на том, чтобы не разлить кофе — руки дрожали. — И непонятна причина смерти, даже судмедэксперты сомневаются.

— А, так был у нас такой. Рей, помнишь? — фельдшер обернулся к нему.

Рей натянуто улыбнулся и быстро спрятался за кофе, сделав большой, обжигающий глоток.

Знакомо, чисто и слишком «правильно». Это ведь не случайность.

Он сидел неподвижно, не в силах шевельнуться, понимая: они все же пришли. Ошиблись адресом. Пока. Но скоро найдут правильный.

3. Глава, в которой дождь не кончается, а совпадения множатся

Правильнее было бы затаиться, но ведь погибли люди, и погибнут снова, и это сводило Рея с ума.

Он отложил книгу, честно признав, что за последний час не прочитал и страницы: взгляд скользил по строчкам, но смысл в голове не задерживался.

Рука сама потянулась к телефону. Ему повезло, сегодня дежурила Нина, с которой они когда-то работали в одной больнице, и знали друг друга много лет.

Через полчаса он уже заходил в здание Судмедморга. Нина заказала ему пропуск и сама встретила на проходной.

— Привет.

Она никогда явно не демонстрировала, что ее симпатия давно уже перешагнула порог дружеской, но Рей это чувствовал. Он знал, что многие женщины-коллеги мечтали о «симпатичном докторе», но отношений на работе он себе не позволял, и, если уж быть честным, редко позволял их и вне работы.

Сблизившись, ему бы пришлось каждый день скрывать все свои странности: Рей не старел, а раны на его коже затягивались слишком быстро. Он очень хорошо усвоил, что если человеку показать правду, он отшатнется, не сможет справиться с этой информацией. Поэтому недоговаривать и не показывать было намного проще и безопаснее.

— Привет, Рей, — с улыбкой кивнула Нина. Всегда строгая, подтянутая, с идеально собранными волосами, рядом с ним она неожиданно вспоминала, что все еще умеет улыбаться.

— У меня к тебе неофициальная просьба, — негромко проговорил Рей, когда они уже вошли в прозекторскую. — Можешь показать, что у тебя есть по этим «спокойным смертям»? — Он постарался за улыбкой спрятать свое волнение.

— Неофициальная, значит, — она окинула его внимательным взглядом. — Заключения я тебе показать не могу. Но можешь поверить, Рей, там совсем ничего. С Бриджесом я работала сама. — Нина покачала головой. — Знаешь, такое хорошо смотрится в кино, но не на твоем столе… — Она передернула плечами.

— Ничего? — Рей почувствовал, как вдоль по позвоночнику побежали мурашки. — Ни токсинов, ни скрытого кровотечения?

Она на секунду посмотрела в сторону холодильников.

— Будто тихо уснул и не проснулся… — и устало добавила: — Ненавижу такие дела.

Рей медленно выдохнул:

— Джонатан Бриджес…

— …был здоровым мужчиной сорока двух лет, — кивнула Нина. — В карте ни хронических заболеваний, ни тяжелой наследственности. Последний визит к врачу — год назад. Менял права.

Она посмотрела на Рея более пристально и прямо спросила:

— Ты ведь решил, что это убийство?

Рей опустил взгляд, а Нина шагнула ближе.

— Рей, я работаю десять лет. Я видела множество смертей. И я могу отличить насильственную смерть от естественной. Здесь этого нет. Здесь вообще ничего нет, черт побери! Будто жизнь… просто погасла, — она судорожно втянула воздух, — и ты же поэтому и пришел. Что ты знаешь?

Рей поднял глаза. В одно мгновение он даже хотел ответить, открыть хоть часть правды, но… Он не мог ей сказать, что из-за него погибли люди, и если Посланник снова ошибется адресом, погибнут еще, а если не ошибется — следующим будет сам Рей.

— Я… я должен понимать, что происходит, — он постарался произнести это уверенно и ровно.

Нина смотрела на него долго, но он молчал, и она больше ничего не стала спрашивать.

— Хорошо, — вздохнула Нина. — Если будет что-то еще, что меня смутит… я тебе позвоню.

— Спасибо, — тихо отозвался Рей.

* * *

Ник нажал кнопку кофемашины. Обычно перед работой он любил зайти в соседнюю кофейню и поболтать за чашечкой кофе, но после смены владельца и появления нового персонала он туда больше не заглядывал. И не заглянет, во всяком случае, пока у них не сменится бариста.

Пока две тонкие струйки наполняли чашку отличным кофе, а воздух — восхитительным ароматом, Ник медленно окинул взглядом свою галерею.

Все начиналось с небольшого подвала. Он купил его после первой удачной сделки, когда ему в руки попала вещь, оказавшаяся куда древнее и ценнее, чем он предполагал.

Позже он выкупил и первый этаж над подвалом. Теперь здесь было пространство с мягким светом витрин, фактурой эбенового дерева, с тонким ароматом дорогих сигар и коньяка — официальная галерея для коллекционеров, инвесторов и просто любителей редкостей.

Подвал Ник держал для хранения эксклюзивных экспонатов, тех, что дышали памятью и предназначались для особых, понимающих в этом толк покупателей. Также там располагалась и комната переговоров с мягко-бархатными тенями, где люди быстро расслаблялись и не боялись обсуждать лишнее.

С чашкой в руках Ник устроился на удобном диване и щелкнул пультом. Шел выпуск новостей:

— Это уже третья за неделю «спокойная смерть». Полиция отказывается связывать эти эпизоды, но эксперты вновь отмечают одно и то же выражение на лице умерших: словно человек просто уснул, — деловито проговорил диктор.

Ник замер. Внутри кольнуло отчаянно знакомое ощущение, из тех, что лучше не вспоминать… Третья… Это было нехорошо. И пора бы с этим уже разобраться.

Ник достал мобильный, пролистал контакты и остановился на одном без имени: три точки и картинка-эмодзи в виде лупы. Нажал вызов.

— Нужно пробить троих. «Спокойные смерти» из новостей. Адреса, фамилии, в общем все, что сможешь узнать, — негромко сказал он, едва дождавшись короткого «да?». — И давай сегодня без нравоучений. Кое-кто задолжал. Ничего личного. Отрабатывай. — Ник усмехнулся. — Но с меня ужин, — все же смягчился он и положил трубку.

К ценным источникам информации он всегда относился очень бережно, ценил их и по возможности баловал.

Спустя полчаса, уже после второй чашки кофе, телефон мелодично сообщил ему о новом письме. Ник быстро пробежал глазами информацию: фотографии, фамилии, адреса, места работы.

Джонатан Бриджес. Он назвался человеком искусства и не соврал. Оценщик частных коллекций. Они пили кофе и говорили о редком зеркале, которое в итоге так и осталось висеть у Бриджеса на стене. Ник предлагал за него хорошую цену, у него уже был покупатель, но Бриджес не хотел денег. Взамен он желал получить пару легендарных обручальных колец. Непростая вещица, и история у нее была любопытная. Спустя годы после смерти тайно обвенчанных и разлученных влюбленных, кольца оказались в одной шкатулке и сцепились друг с другом

намертво. Им приписывались разные чудесные свойства. И не зря. Ник явственно ощущал их особую, «живую» энергетику, благодаря которой они и заняли почетное место в недрах его подвала в ожидании особого покупателя.

Бриджес рассуждал о чудесных кольцах с небрежной улыбкой, но Ник ощущал его жадное нетерпение. Жаль, что сделка так и не состоялась.

Вторая жертва — Эрик Фрай. Согласно досье: тридцать восемь лет, филолог, специалист по редким языкам, в том числе древним. Вглядевшись в приложенную фотографию, Ник сразу же его вспомнил. Молчаливый и подчеркнуто вежливый мистер Фрай пару раз наведывался в галерею. Он явно что-то разыскивал, но обсуждать это отказался.

И последний из тройки — сорокалетний учитель Стивен Грант. Работа в университете, репетиторство, частная практика… Ник «раздвинул» пальцами экран, приближая снимок, и вгляделся в лицо. По спине пробежал холодок — этого мужчину он тоже помнил. Тот был здесь вчера днем, искал что-нибудь «в подарок». Выбрал антикварное зеркальце и серебряный медальон.

А сегодня он найден мертвым…

Три странные смерти за одну неделю.

Три человека одного пола и возраста, интересующиеся антиквариатом.

Неужели и правда охота?

Будто кто-то ищет его, примеряя на других ту же легенду, ошибаясь, но не останавливаясь.

Ник отставил пустую чашку и посмотрел на свое отражение в резном антикварном зеркале.

Внутри, под ребрами, шевельнулось, а воздух вокруг на секунду будто загустел. Отражение в зеркальной поверхности пошло волной, потом уголки губ двойника дрогнули, и он едва слышно зарычал.

Ник отвернулся, решительно тряхнул головой и отвел рукой упавшие на лицо волосы.

Затаиться сейчас — значит ждать, пока следующей целью станешь ты сам. Если посланник уже в Городе, Ник должен найти его первым.

* * *

Дождь почти закончился. Но в воздухе висела морось, из водосточных труб бесконечной рекой стекала вода. Терпкий аромат мокрых листьев приятно щекотал нос.

Ник окинул взглядом аккуратный двухэтажный дом. При всей кажущейся простоте архитектуры, дома здесь стоили совсем недешево, а цены на аренду в этом районе легко спорили с ценами в центре.

По данным из досье, покойный мистер Грант занимал квартиру под номером два. Жил он один, поэтому Ник нажал кнопку звонка первой квартиры, планируя для начала пообщаться с соседями.

Послышались легкие шаги, и дверь приоткрылась. Выглянула женщина лет тридцати пяти с покрасневшими и растерянными глазами. Она зябко куталась в шерстяную шаль.

— Добрый день, — поприветствовал ее Ник, понимая, что попал удачно. — Доминик Вален, владелец антикварной галереи. Я по поводу происшествия с мистером Грантом…

Губы у нее немедленно задрожали.

— Мне очень жаль, — как можно ровнее постарался продолжить Ник, не давая ей залиться слезами. — Мы с ним вчера заключили сделку, и я подумал, что, возможно, стоит предложить выкупить предметы обратно. Разумеется, если они не понадобились. Может, вы знаете контакты его родственников или наследников?

— Стивен говорил, что он — сирота, никого из родственников в живых не осталось. — Женщина вздохнула и отступила в сторону. — Проходите. Я — Анна Торез. Те предметы… — она запнулась, снова проглатывая подступающие слезы, — …они у меня.

В уютной гостиной с тяжелыми бархатными портьерами и изящной антикварной мебелью пахло кофе и какими-то травами, возможно, успокаивающими. На столе стояла раскрытая бархатная коробка — Ник узнал фирменную упаковку своей галереи. Рядом лежало зеркальце.

— У меня есть второй покупатель, и он очень расстроен, что именно мистер Грант выиграл медальон и зеркало на аукционе… — проговорил Ник, присаживаясь в предложенное ему кресло. Он постарался, чтобы голос его звучал мягко, без нажима, с соблюдением приличий и будто заранее извиняясь, что приходится касаться подобных банальностей перед лицом смерти.

Рука Анны скользнула под шаль и вытащила висевший на груди медальон.

— Это было вчера вечером, — едва сдерживая слезы, стала рассказывать она. — Стивен просто пришел и положил их на стол. Он никогда не делал подарков. Наверное, можно сказать, что у нас были с ним отношения, — губы у нее снова дрогнули, — насколько это понятие вообще возможно для Стивена… Но вчера я не сразу поняла, что он был не в себе. Глаза… словно сквозь тебя смотрят. Положил коробочку и зеркало на стол, выдавил что-то про подарок, а потом развернулся и быстро ушел наверх.

— И вы его больше не видели? — уточнил Ник. Он слушал очень внимательно, и все, что она рассказывала, звучало весьма тревожно.

— Нет. — Она покачала головой. — Позже я поднималась к нему, стучала. Но он так и не открыл. И потом ночью такая гроза была… у него свет горел, и шаги я слышала. Он все ходил туда-сюда, а потом все затихло, а спустя какое-то время свет погас во всем доме. На минуту, может, две. Так было страшно… и еще эта гроза… — Она передернула плечами и посмотрела на Ника потерянно и как-то странно, а пальцы в волнении продолжали терзать медальон.

— Стечение обстоятельств, — тихо проговорил Ник, мысленно отмечая: «Ощущение паники и сбой электроэнергии… Сущность даже не позаботилась о том, чтобы замаскировать свое появление. Но как же посланник вышел на след? Через «живые» артефакты, больше вариантов нет! Они реагируют на силу и, вероятно, могут давать какой-то сигнал. В последнее время их было достаточно много, вот посланник и вышел на галерею».

Ник настолько погрузился в свои мысли, что не сразу заметил, как взгляд Анны переменился. Она не могла отвести от него глаз, но при этом сама выглядела растерянно, словно не верила себе и своим мыслям.

Ник достаточно часто видел такое и быстро привык… Что-то древнее, неконтролируемое вскипало сейчас у нее в крови: сначала желание, потом смятение, а следом нестерпимый стыд.

Ник давно перестал принимать это на свой счет. Просто химия, остаточный шлейф той силы, от которой он отказался. Он давно научился выбирать правильно: тех, кто ничего от него не ждет. Кто сам ищет забвения на одну ночь. Тело к телу. Без имен и без вопросов.

— Раз это подарок, о выкупе не может идти и речи. Извините за беспокойство, Анна. — Он поднялся.

— Может быть, останетесь… на кофе? — вдруг выдохнула она, слегка покраснев. Голос прозвучал тихо, но очень отчетливо. И мгновение спустя, будто спохватившись, она зажмурилась и закрыла рот рукой. — Простите, я… я не знаю, зачем это сказала.

— Не беспокойтесь, — ровно проговорил Ник. — Вы просто очень устали. Всего доброго. — И, поднимая воротник пальто, он вышел за дверь.

Небо снова плотно затянуло тучами. Ник сделал глубокий вдох. В воздухе стоял неуловимый запах, какой бывает только перед грозой.

Он достал телефон, открыл досье. Эрик Фрай. Нужно проверить, не было ли и у него отключения света…

* * *

Дом, в котором жил Фрай, оказался двухэтажным современным таунхаусом, разделенным на четыре квартиры.

Едва Ник открыл калитку, как из-за двери с цифрой «один» выглянул седой пожилой мужчина.

— Добрый день. Вы к кому? — по-деловому спросил он, окидывая Ника цепким взглядом.

— Доминик Вален, антикварная галерея, — произнес Ник, привычно используя выверенную интонацию, неизменно располагающую собеседника к разговору. Он повторил легенду, в этот раз о редкой книге, якобы приобретенной мистером Фраем, и добавил, что в связи с прискорбными обстоятельствами он готов выкупить ее обратно. Если родственники, конечно, будут не против.

— Ох, да. — Старик потускнел прямо на глазах. — Бедняга Эрик. Он не был женат, да и родственников у него, кажется, нет. Такой приятный человек… был… хоть и не без странностей. Все книги, книги… — Он покачал головой. — Я его все поддевал, что он квартиру в антикварную библиотеку превратил. Такая коллекция! Теперь вот думаю, куда все это пойдет?

«Без жены. Без наследников. Коллекционер», — технично отметил про себя Ник.

— Вы говорите, коллекция богатая? — спросил он со специальной тщательно дозированной ноткой профессиональной алчности и вкрадчиво добавил: — Позволите взглянуть? Если собрание действительно ценное… возможно, я смогу помочь сохранить его целиком, а не по частям на торгах.

Ник едва удержался от улыбки, видя, как старик заметался между долгом и искушением. Выбор — это всегда про людей, ему лишь оставалось задать границы. Но старик быстро решился, вздохнул и махнул рукой:

— Да уж… хуже не будет. — Сходил за ключами, и они поднялись на второй этаж.

— Вообще-то я не должен этого делать… — проворчал старик, тем не менее распахивая перед Ником дверь.

— Тогда не нужно, — Ник остановился на пороге, вроде бы давая возможность старику отступить, но на самом деле еще больше его этим подталкивая.

— Я сказал «не должен», а не «не могу», — тот криво усмехнулся. — Дверь не опечатывали. Только предупреждение повесили и ключи забрали. Но я вот один комплект припас — мало ли что случится, пока они будут ждать, объявится ли кто-то из родни. Так что смотрите, но руками не трогайте!

Квартира встретила Ника ароматом старых книг и застоявшегося воздуха. Хозяин ее покинул, и она словно застыла во времени. Безликая просторная столовая с небольшой кухней, спальня… Ник прошел дальше и наконец попал в кабинет. Вот здесь все еще ощущалась жизнь.

Книжные стеллажи тянулись вверх почти до самого потолка, плотно заставленные томами и аккуратно уложенными свитками. Два массивных стола скрывались под кипами рукописей и ровными стопками книг.

Полумрак, созданный прикрытыми шторами, мягко окутывал комнату, и Ник включил фонарик на телефоне, чтобы себе подсветить. Пробежался взглядом по кожаным, потемневшим от времени корешкам, потом, не касаясь, провел раскрытой ладонью вдоль ряда книг.

Серебристые и золотые буквы на корешках стерлись от прикосновений, но память за прошедшие века лишь напиталась эмоциями.

Вот темно-вишневый переплет, кожа растрескалась у самого корешка. Старинный шрифт, «Сфера …», а дальше все померкло — не разобрать.

Чуть выше — книга «Кодекс лунных отражений». Редкая, очень редкая вещь. Магический трактат XVII века, Ник хоть сегодня мог бы его продать, причем пришлось бы действовать быстро и осторожно — из-за такого клиенты легко потеряли бы голову. Какая сила! Ник ощущал стабильное и плотное излучение.

Коллекция у мистера Фрая и в самом деле оказалась богатая.

Одинокий, далеко не бедный мужчина, отсутствие близких, интерес к редким предметам, связь с галереей Ника. Тут даже опытный посланник запутался бы, кого именно из четверых нужно убить. И, чтобы случайно не промахнуться, решил выводить из строя одного за другим. Слишком чистая версия? Или нет?

— Скажите, — Ник повернулся к старику, застывшему в раздумьях на пороге кабинета, — в ночь, когда мистер Фрай умер, свет не мигал?

Старик растерянно захлопал глазами.

— А вы откуда знаете? Электричество пропало минут на пять. Как раз в ту ночь. Но я тогда подумал, что это из-за удара молнии.

Ник удовлетворенно кивнул. Можно было даже не сомневаться, что у Бриджеса окажется все то же самое.

— И камера вышла из строя, — продолжал выкладывать растерянный старик, похоже, сам не очень-то понимая, почему все это Нику рассказывает. — Мы тут камеру над крыльцом поставили, так на записи на это время белый шум.

Сбой камеры, белый шум. Все ровно так, как Ник и думал. Он уже шагнул к выходу из кабинета, когда зацепился взглядом за овальное зеркало в старинной тяжелой раме. Поверхность чуть дрогнула и пошла рябью, и Ник остановился. Осторожно шагнул ближе, но в сумрачном свете комнаты увидел только себя. Но спустя мгновение за его спиной сгустилась тень — прозрачные, невесомые крылья, дымкой проступающие по стеклу.

И тут же яркой вспышкой пришло: за спиной доктора в отражении он видел такие же… только белые.

Ник резко выпрямился, моргнул. Зеркало снова показывало лишь его самого и пустую комнату. Старик так и стоял в дверях в отдалении и, кажется, ничего не заметил.

— Вы можете не волноваться, я выкуплю всю коллекцию, — негромко произнес Ник, направляясь к выходу.

— О, это было бы хорошо, — довольно заулыбался старик.

Ник протянул ему свою визитку — черную, на дорогой мелованной бумаге, с изящной серебряной монограммой в виде буквы V.

— Позвоните мне, когда что-нибудь станет известно.

— Думаете… он все же не сам умер? — шепотом спросил старик, когда они уже вышли из квартиры и спустились на улицу. Он кусал губы, а глаза его лихорадочно поблескивали.

— Думаю, мистеру Фраю действительно лучше было не оставаться в ту ночь одному, — без тени улыбки ответил Ник, усаживаясь в машину.

В голове настойчиво билась мысль:

«Доктор Хейл. Пришло время нам с вами снова встретиться».

4. Глава, в которой доверие оказывается роскошью

В престижном районе с аккуратными таунхаусами и зелеными тихими улицами царили спокойствие и безопасность. Они словно бы шли в комплекте с удобным парковочным местом и красивым видом на парк. Рей и сам бы не отказался от утренних и вечерних прогулок по этим зеленым улочкам, и только перспектива каждый день добираться через чудовищный утренний трафик до больницы сводила все преимущества подобной жизни к нулю.

Дверь квартиры, расположенной под квартирой Фрая, открылась раньше, чем Рей успел дотронуться до звонка.

— Вы к кому? — пожилой мужчина смотрел на него настороженно.

Рей представился и объяснил, что он врач, и у него возникли сомнения в причине смерти мистера Фрая. Настороженность на лице соседа быстро уступила место облегчению.

— Я бы хотел уточнить некоторые детали для посмертного освидетельствования, — закончил Рей свое пространное объяснение.

— Я знал! Знал, что что-то не так! — воскликнул сосед, резко распахнув дверь. — Подождите, доктор. — Он быстро сходил за ключами, и спустя минуту они уже поднимались в квартиру Фрая.

— Невилл Мейсон, — представился он по дороге, тяжело переводя дыхание после подъема по лестнице. — Не скажу, что я хорошо знал Эрика, но всем бы таких соседей: спокойный, вежливый.

— Хорошие соседи на вес золота, — согласился Рей, бегло осматривая спальню и кухню-гостиную — безликие и безжизненные, словно ими почти не пользовались. В спальне стояла аккуратно застеленная кровать, на тумбе — ничего лишнего. На кухне в холодильнике грустила одинокая пачка просроченного молока. Аптечка оказалась почти пустой. «С такой аптечкой на здоровье не жалуются…» — подумал Рей и все же уточнил:

— Может, у него что-то болело? Он не говорил?

— Нет, — мистер Мейсон покачал головой. — Но в последнее время его, кажется, что-то тревожило. И еще… он часто стал уходить по ночам.

«Беспокойство и ночные исчезновения!» — воодушевился Рей.

— Это может оказаться важным, мистер Мейсон, — осторожно произнес он. — Вы не помните, когда это началось?

— Да… последнюю неделю, пожалуй. Он всегда был немного чудаковат, почти ни с кем не общался. Книги — его «братья по разуму», как он говорил, — вот с ними он и проводил время. — Мистер Мейсон распахнул дверь в кабинет.

Здесь ощущалась жизнь. В полумраке темнели стеллажи с книгами; воздух пропитался особым запахом старой бумаги. Рей прошелся вдоль полок, отмечая взглядом аккуратно разложенные свитки и старинные тома. Отметил стопку словарей на столе, карандаш для заметок, оставленный между страниц, засохший чай в кружке, плед на спинке кресла. Все выглядело так, будто вещи все еще ждали хозяина, не догадываясь о его смерти.

— Он ведь часто работал из дома? — уточнил Рей.

— Переводил на заказ. Языки редкие знал, такие, что и не выговоришь. А в прошлом месяце его приглашали на раскопки. Он на неделю уезжал, я за квартирой приглядывал. Так, может, он там какую болезнь подхватил?! — мистер Мейсон растерянно заморгал.

Рей покачал головой. Совершенно точно на болезнь это никак не походило. Он хотел что-то еще уточнить, но взгляд зацепился за корешок заложенной карандашом книги.

Почти стертые тонкие золотистые буквы на темном переплете с характерной царапиной… Название не прочитать, но Рей и без того его знал. «Голос одиноких богов». Холодный озноб пробежал по позвоночнику.

Редкое, очень редкое издание — один экземпляр на весь Город, доступный только в читальном зале Спецфонда. Рей сам читал ее там всего две недели назад.

В памяти всплыл светлый зал с высокими потолками и с особым запахом времени. За десять лет Рей стал там почти своим, но чтобы попасть в это «святая святых», он долго заполнял заявки и терпеливо ждал разрешения.

Книги давно стали для Рея способом «лечить» себя от одиночества. Он мог говорить на любом языке, но чтение требовало особых усилий. И все же ему хватало меньше одного дня, чтобы освоить новый язык. Он читал запоем, читал все, что помогало ему хоть как-то понять людей… и самого себя.

Кроме обычных книг, были книги особенные, такие, как эта. Древний трактат о богах, изгнанных жить среди людей, без права вмешиваться в происходящее.

Разумеется, это не могло не откликнуться Рею. И, видимо, слишком откликнулось. Бывают тексты, которые читаешь ты, а бывают те, что читают тебя, вынимая со дна твоей души все самое сокровенное.

Но как Посланник принял за него Эрика Фрая? Книга попала к Эрику и как-то ему откликнулась? Не исключено, что сначала она заинтересовала его чисто академически.

Рей на секунду прикрыл глаза. Если что-то и могло выдать его… то только это.

Он попытался представить себе тихого ученого, человека, у которого в квартире минимум личных вещей. Чудаковатого, странного, непонятого другими людьми, того, чья жизнь сосредоточена здесь, в кабинете, того, кто предпочитает язык древних рукописей языку человеческих отношений. Наверное, он также ощущал себя обреченным на одиночество…

Рей хорошо знал: за то, чтобы быть собой, всегда приходится платить. «Он и правда мог бы быть мной и умер вместо меня», — с грустью подумал он. Это уже не было новостью, но легче от этого не становилось.

— Знаете, хорошо, что есть такие люди, как вы, доктор, — вдруг произнес мистер Мейсон, нарушая наступившую тишину. — Кому не все равно. Проще ведь написать, что «умер сам». А вы вот ходите и выясняете…

Рей лишь вежливо улыбнулся на это, все еще пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

— И… — мистер Мейсон кивнул головой в сторону стеллажей, — хорошо, что книги не пропадут. Эрик всю жизнь их собирал. Жалко было бы, если бы все это разнесли по рукам.

— Разве у мистера Фрая есть родственники? — удивился Рей.

— Родственников, увы, нет. Но сегодня приходил один антиквар. Из галереи… — Мистер Мейсон нахмурил лоб, явно пытаясь вспомнить имя, не смог и полез в карман, достал визитку и, отодвинув подальше от глаз, зачитал. — О, Доминик Вален. Сказал, что готов выкупить все целиком. — Он радостно закивал. — Прямо так и сказал: «Вы можете не волноваться, я позабочусь о коллекции мистера Фрая». Хороший, вежливый молодой человек. Видно, что в книгах разбирается. Так что… — развел руками, — книги не пропадут точно!

Рей на секунду задержал дыхание, стараясь не показывать своего волнения.

Доминик Вален. Галерея. Это же тот самый коллекционер, что был у Бриджеса… Что он здесь делал?

— Спасибо, мистер Мейсон, — тихо проговорил Рей. — Вы очень мне помогли.

Сосед заметно оживился, видимо, наконец-то почувствовал себя значимым и полезным.

— Я могу позвонить вам, если еще что вспомню.

— Да, конечно, — Рей кивнул. — Буду очень признателен. Запишите мой номер.

* * *

Дождь затих, но солнце так и не решилось выглянуть из-за туч. Но даже в сумрачном свете уходящего дня дом Стивена Гранта выглядел как на рекламной картинке: палисадник

обрамляли подстриженные живые изгороди, аккуратные дорожки гостеприимно приглашали к дверям квартир.

Решительно ничто не говорило о том, что кто-то сегодня здесь умер.

Рей начал с соседей, живущих под квартирой Гранта. Едва он позвонил, дверь стремительно распахнулась, будто его ждали.

На пороге стояла молодая женщина, и по вспышке разочарования в ее взгляде Рей понял, что ожидали совсем не его. Вид у женщины был такой, будто она пережила очень беспокойную ночь. Ее явно что-то терзало, пальцы непрерывно перебирали бахрому наброшенной на плечи шерстяной шали.

— Вы кто? — выпалила она. Голос сорвался.

— Доктор Рей Хейл. Пришел задать несколько вопросов о мистере Гранте, — как можно мягче проговорил Рей, одновременно вынимая из кармана удостоверение. Он кратко пояснил про посмертное освидетельствование. — Нужно ответить на пару вопросов, если, конечно, это сейчас уместно.

Нервная вспышка отступила, резко сменившись апатией, и женщина недоуменно заморгала. Ей явно с трудом удавалось концентрироваться и воспринимать информацию.

«Шок после внезапной смерти? Нет… так обычно проявляется не шок, а горе. И слишком личное горе. Грант был для нее не просто соседом?» — подумал про себя Рей.

— Да, конечно. Проходите, — наконец медленно проговорила она, отступая в сторону. — Я Анна Торез, соседка мистера Гранта.

Губы у нее задрожали, и она быстро прижала их пальцами.

Рей зашел внутрь. Гостиная была по-домашнему уютной. Тяжелые бархатные шторы струились мягкими складками, на стене мягким золотистым пятном светилось старинное бра. Теплый круг света падал на кресло, словно создавая в царящем сумраке маленький островок безопасности.

А вот воздух пах горем, слезами… и почему-то паникой. Рею легко представилось, как до его прихода Анна то сидела в этом кресле, сжавшись в комок, то металась по комнате и не могла найти себе места.

— Мистер Грант казался вам нездоровым в последние дни? — спросил Рей, с нарастающим отчаянием понимая: нездоровой сейчас выглядела сама Анна. Она едва держалась: ей нужна была врачебная помощь, а время утекало, и Рей невольно ощутил бессилие и досаду.

«Как же не вовремя. Не сейчас. Каждая минута дорога… Если Посланник — Доминик Вален, он может убить кого-то еще!»

Он тут же одернул себя: здесь тоже речь шла о человеческой жизни.

— Стивен? Нет, он не казался нездоровым, — снова с запозданием ответила Анна. Рей чувствовал, что каждая фраза давалась ей с огромным трудом, но она отчаянно желала выговориться.

— Просто он всегда был немного… — она запнулась, подбирая подходящее слово, — … отстраненным. Добрый, хороший, но внутрь никого не пускал. — Анна снова всхлипнула, а Рей вздрогнул, понимая, что снова слышит то, что могли бы сказать и о нем. Увы, доверие — роскошь, которая ему уже давно не принадлежала.

Когда-то, еще в колледже, он уже рискнул однажды, рассказал человеку, которого считал другом, больше, чем следовало. Достаточно, чтобы тот испугался. Нет, парень не решил, что Рей сходит с ума, он и в самом деле поверил. И отшатнулся. И тот его взгляд Рей совершенно не хотел вспоминать, как не хотелось вспоминать и другую попытку, когда Рей позволил себе поверить. Он опомнился и резко закрыл дверь в комнату памяти, которую не позволял себе открывать. Слишком это было больно.

— … а вчера он вдруг принес подарки, — продолжала рассказывать Анна, кивая на изящное антикварное зеркальце и медальон, лежащие на столике рядом. И вдруг закрыла лицо

руками. — А утром его не стало… А я… я… — с отчаянием выдавила она, и больше уже не смогла говорить, горло сдавило так, что пропало дыхание.

К счастью, Рей знал, как с этим справляться. Он осторожно присел на ковер рядом, мягко, буквально кончиками пальцев коснулся ее плеча, стараясь «заземлить», а не напугать.

— Анна, попробуйте дышать вместе со мной. — Его голос стал ровным, спокойным, в нем зазвучала та уверенность, которая так хорошо приводила в чувство даже самых тревожных пациентов.

— Вдох… медленно. На четыре. Раз… два… три… четыре. Хорошо. А теперь медленный выдох.

Анна пыталась повторять, и Рей физически чувствовал, как ее мышцы постепенно расслабляются, и она перестает дрожать.

— Ступни на полу. Да, вот так. Сосредоточьтесь на этом ощущении, — тихо подсказывал он. — Почувствуйте опору. Вы здесь. Все под контролем.

Когда дыхание выровнялось, Рей принес ей воды. Анна отпила, и стакан едва слышно звякнул о ее зубы.

— Можно я скажу вам одну… вещь? — едва слышно умоляюще спросила она. — Мне кажется, что вы поймете. Я больше никому не смогу это рассказать…

Рей чуть наклонил голову:

— Конечно. Говорите, — сердце дрогнуло, подсказывая, что это то самое — важное.

Анна глубоко вдохнула, словно собираясь с силами.

— Утром приходил человек. Из галереи, где Стивен купил подарок. Хотел предложить мне продать вещи, если они вдруг не понадобились…

Рей затаил дыхание.

Галерея. Доминик Вален. Снова.

— Но я вижу, что вы отказались, — негромко проговорил он, осторожно подталкивая замолчавшую Анну, чтобы она продолжала.

— Да, он не настаивал, — она кивнула. — Вел себя очень корректно. А вот я… — Анна на секунду прикрыла глаза, а потом проговорила бесцветным, потухшим голосом: — Я предложила ему остаться. На кофе. Совершенно незнакомому человеку. — Она покачала головой и вдруг истерически и растерянно засмеялась. — А сейчас я рассказываю это вам! Кажется, я схожу с ума… Боже, хорошо, что он отказался!

— Анна, с вами все в порядке. Вы просто пережили слишком многое за сегодняшний день, — Рей продолжал говорить спокойным тоном, прекрасно осознавая, что все совсем не в порядке, более того, он догадывался, что именно здесь сегодня произошло.

Это не было обычным влечением или нервным импульсом — тонкий след, оставленный почти незаметно, отпечаток на хрупкой ткани души.

Рею следовало понять это раньше, еще когда мистер Вален с легкостью воздействовал на полицейских… и рядом с трупом заигрывал с девушкой-офицером.

Только вот оставалось непонятным, почему он искусил Анну, но не воспользовался этим?

— И все равно… часть меня ждала, что он вернется, — заливаясь краской, но очень решительно договорила Анна. — До самого вашего звонка… я… я все надеялась, что это он. — И вдруг она резко замолчала.

Рей наблюдал, как ее лицо постепенно смягчается, как плечи окончательно расслабляются, после того, как признание освободило ее от мучительного напряжения. Какой бы стыдной ни казалась ей эта правда, озвучив ее, Анна наконец смогла выдохнуть.

Похоже, кризис миновал, но Рей понимал, что рискованно оставлять ее сейчас одну, вот только время продолжало сочиться сквозь пальцы.

Он медленно поднялся, давая возможность остановить себя, если она вдруг почувствует неуверенность.

— Анна, — сказал он мягко, — то, что с вами произошло, не делает вас странной или слабой. Такая реакция бывает, и это быстро пройдет.

Она кивнула, глядя на него уже не так отчаянно.

— Я… надеюсь, — шепнула она.

Рей протянул ей салфетку со столика и только после этого продолжил:

— Я могу выписать вам легкое успокоительное. Оно мягкое, но вам все же лучше обратиться к вашему врачу. Не тяните с этим.

Он достал из нагрудного кармана рецептурный бланк — за годы работы привык не выходить без бланков из дома, — заполнил его и протянул Анне.

— Спасибо… правда. Я не знаю, что бы без вас делала. — Ее голос опять дрогнул, но уже не срывался.

Рей только улыбнулся.

— Вы справились сами. Я лишь чуть-чуть помог.

Он написал ей свой номер на обороте бланка.

— Если станет хуже, звоните. В любое время. Или если вдруг что-то вспомните.

Анна кивнула, и впервые за весь вечер она не выглядела потерянной. Но вот на последних словах смутилась.

— Вы пришли из-за Стивена, а я совсем ничем вам не помогла…

Рей задержался у двери еще на секунду, глянул на изящные фирменные коробочки с серебряной буквой V на столе, потом перевел взгляд на Анну.

— Вы очень помогли. — Внутри все вибрировало от напряжения, но он постарался, чтобы последние слова прозвучали искренне и ободряюще.

Рей шагнул на крыльцо и медленно втянул холодный, остро пахнущий влажной листвой воздух.

Сумерки совсем сгустились. Дождь стих, и мир вокруг словно ожил. Соседи напротив дружно выгружали из автомобиля покупки, мимо прошла пожилая пара, чинно выгуливая собаку, стайка детей на велосипедах с гиканьем пронеслась мимо.

В окнах домов уютно светились огоньки, но Рей мог думать только о том, что где-то по этим улицам ходит существо не из этого мира, и оно будет убивать снова и снова, пока не выполнит полученное задание.

Что же, у Рея просто не было другого выбора. Пришло время задать несколько вопросов мистеру Валену.

5. Глава, в которой каждый слышит свою правду

Еще из машины Ник позвонил своему источнику.

— Найди мне информацию на доктора Хейла. Врач скорой. Рей Хейл. — Он старался держать спокойный тон, но понимал, что выходит плохо.

— Тебе только адрес и телефон? Или еще его фобии и любимый кофе? — насмешливо поинтересовался в ответ голос на том конце линии. — Что-то ты зачастил, Ник…

— Тебя это смущает? — Ник хмыкнул. — Я все компенсирую, — вкрадчиво добавил он, хотя пальцы при этом непроизвольно сжали руль. — Давай адрес и телефон. Пока достаточно.

Послышался явственный вздох, а потом шорох клавиш.

— Биография у него чистая: колледж, университет, ординатура. Как закончил, так и работает на станции скорой при центральной больнице. Зачем он тебе? — В голосе промелькнуло искреннее удивление. — Локации квартиры и номер телефона скину на почту.

— Знаешь, я тебя явно недооцениваю, — сокрушенно признался Ник, намеренно игнорируя неудобный вопрос.

— Не расплатишься. И как-то ты сегодня… хммм… напряжен. Это тот случай, когда мне лучше не знать?

— Именно, — серьезно сказал Ник. — Спасибо. — И нажал отбой.

Сообщение с локацией квартиры пришло через пару секунд — район оказался рядом с больницей.

Серьезно наверху работают. Так внедрили посланника в человеческую жизнь, что и не подкопаешься! Целая биография, годы службы, солидная должность врача. «Насколько же давно ведется эта охота?» — мрачно подумал Ник.

Двадцать лет Ник учился быть человеком, двадцать лет жил настоящую жизнь и чувствовал себя живым, чтобы теперь вдруг позволить вернуть себя обратно? Но он и не планировал возвращаться. Чего бы это ему ни стоило.

Ник завел двигатель, но, прежде чем нажать на газ, на секунду прикрыл глаза. Чувствовал, как снова неумолимо нарастает напряжение, а из самой глубины поднимается то, что он предпочел бы никогда больше не выпускать.

За все нужно платить, и свобода обойдется ему недешево.

— Значит, охота? — тихо прорычал Ник. — Еще посмотрим, кто кого. — И рванул машину с места.

Впрочем, быстрая езда охладила его, и чем ближе он подъезжал к больнице, тем больше удавалось взять эмоции под контроль. Ник даже смог сформулировать для себя, почему все же посланника прислали сверху. Видимо, там решили, что коллеги снизу со «своим» не справятся.

Он не сомневался, что Рей Хейл причастен к этой истории. Смущало только одно, Ник помнил, как тот накрыл лицо умершего… Он не много знал о посланниках, но вроде бы они не отличались излишней отзывчивостью. Неужто подставному доктору стало неловко, когда он понял, что устранил невиновного?

Здание центральной больницы стеклянной громадой возвышалось над проспектом. Уже стемнело, и свет окон сливался со светом неоновых вывесок и фонарей. Снова зарядил дождь, капли дробно выстукивали по крыше машин на парковке.

— Доктор Хейл сегодня выходной, — сообщили по телефону приемного отделения.

По домашнему адресу соседи любезно поведали Нику, что «Доктор Хейл ушел еще днем», и Ник с трудом удержал на лице вежливую улыбку. На деле ему хотелось лишь грязно выругаться.

Телефон доктора упорно не отвечал, гудки шли, но трубку никто не брал. Отбросив мобильный на пассажирское сиденье, Ник с раздражением щелкнул зажигалкой и закурил.

«Где же вы ходите, доктор Хейл? Планируете очередное убийство, но снова ошиблись адресом? Или в этот раз не ошиблись, и уже поджидаете меня в галерее?»

Бардачок открылся беззвучно, и Ник коснулся старинного кинжала. Это был не просто раритет, а оружие силы. Тонкий клинок легко вышел из ножен, показывая почти стертую вязь узора. Пальцы Ника машинально потерли гладкую рукоять и нашли едва заметный изъян — след давнего удара, нанесенного с нечеловеческой силой. Ник протяжно выдохнул сквозь зубы, убрал кинжал в ножны и спрятал их под одежду.

Машина снова рванула с места, решительно поворачивая в сторону центра.

Что он носится по городу как новичок? Хватит! Охота может быть разной. Пусть посланник явится сам. Ник дождется его в галерее. Теперь он не просто чувствовал, он знал, что тот придет.

Дождь сперва моросил, но стоило только выбраться из машины, хлынул сплошной стеной.

Оставив промокшее пальто на вешалке у входа, Ник прошел в зал галереи. Он не стал включать верхний свет, зажег только подсветку витрин — золотистые прямоугольники света на фоне почти черного дерева всегда его умиротворяли. Возможно, ждать придется долго, следует запастись терпением… и кофе.

В тишине галереи звук кофемашины прозвучал оглушительно. Ник поморщился, любая мелочь воспринималась сейчас болезненно ярко, угрожая вывести его из себя. И только приятная тяжесть кинжала возвращала ему ощущение равновесия.

Ник отпил кофе и посмотрел на свой размытый силуэт, темнеющий в экране огромного телевизора.

— Зря ты пришел в мой Город, доктор, — тихо шепнул он, и отражение, кажется, согласно кивнуло.

По коже пробежал холодок. Ник замер, напрягся — потому что рядом с его отражением в зеркальном черном экране появилась еще одна фигура.

* * *

Небо словно прорвало — дождь обрушился мгновенно, превращая дорогу в бурный поток. Фары встречных машин размазывались светящимися полосами, улицы теряли очертания, и Рей вынужденно сбавил скорость, с досадой ощущая, как утекает время.

Нужно торопиться. Бриджес, Фрай, Грант. Трое людей, выдернутых из жизни, и в любую минуту мог появиться следующий.

Двадцать лет Рей жил на Земле как человек, дорожил чувствами, сам принимал решения. Иногда ему даже казалось, что он и правда стал человеком. Он не хотел умирать, не хотел возвращаться туда, где индивидуальность растворяется в общем хоре, где никто не принадлежит сам себе. Но мысль о том, что кто-то умирает вместо него, казалась нестерпимой.

«Если Посланник действительно пришел… если он охотится за мной… то, может… может, стоит…» Мысль вспыхнула и тут же провалилась в темноту, едва оформившись. Рей скривился, чувствуя отвращение к себе.

Убить Посланника самому? Какая же это была чудовищная мысль… Пальцы вцепились в руль так, что побелели костяшки.

Если выбор действительно придется сделать… если это остановит цепь смертей… он знал, чем заплатит.

Рей с трудом выдохнул сквозь намертво стиснутые зубы.

Он припарковался возле галереи, заглушил мотор, накинул капюшон, но еще пару мгновений просто сидел, вглядываясь в матово блестящее в свете фонаря стекло входной двери. Ему казалось, что он чувствует напряжение, сгустившееся там, внутри.

Он распахнул дверцу, и дождь мгновенно оказался всюду: тугими струями бил по капюшону, хлестал в лицо. Пока Рей добежал до двери галереи, холодная вода успела пропитать куртку и волосы.

Дверь оказалась открыта, только колокольчик над входом звякнул в темноте.

* * *

Ник резко обернулся. Человек стоял в проходе между витрин. Нет. Конечно же не человек, а посланник.

Рей Хейл, тот самый поддельный доктор — Ник узнал его прежде, чем тот скинул капюшон. Капли дождя стекали с мокрой куртки на дорогой деревянный пол и в теплом свете подсветки красиво отливали золотом.

— Галерея закрыта, — негромко сказал Ник, одним глотком допивая кофе и отставляя чашку. — Но для некоторых клиентов дверь всегда слегка приоткрыта, верно, доктор Хейл?

— Решил, что вы не обидитесь на визит без записи, — тихо, но твердо ответил доктор. — Тем более, мне есть что сказать. То, что лучше говорить при закрытых дверях.

Бровь Ника чуть удивленно дернулась. От доктора исходило напряжение… Сухое и колющее, как электризация воздуха перед грозой.

«Сказать? О чем? Или он хочет убедиться, что в этот раз выбрал жертву правильно?»

Ник приглашающе махнул в сторону просторной части зала — туда, где, если что, можно будет драться, не задевая дорогих его сердцу витрин.

Рей прошел, остановился в паре шагов и откинул с лица прилипшие мокрые пряди. В свете витрины было видно, насколько он бледен. Не усталый вид, а болезненно бледный, будто весь день держался на одной только силе воли.

— Слишком много смертей, — сказал доктор все так же ровно. — Я не хочу, чтобы кто-то еще погиб напрасно. Я намерен положить этому конец.

Недоверчивая улыбка сама по себе скользнула по губам Ника.

«Муки совести? Серьезно?»

Но вторая часть фразы затмила первоначальное изумление. Рука Ника машинально нашла рукоять кинжала под пиджаком.

— Вот как. И ты пришел закончить. Сам, — резко бросил он, переходя на «ты». — Только сначала решил убедиться, что цель правильная?

— И убедился, — медленно кивнул посланник. Глаза у него сделались совсем странные. «Слишком… окончательные», — наконец сформулировал Ник.

— Жаль, я сразу не догадался, при нашей первой встрече. Двое людей остались бы живы. Но больше уже никто не пострадает, — закончил тот.

И в ту же секунду что-то рванулось внутри Ника. Тьма. Она приходила вспышкой под кожей, холодным давлением у основания шеи, когда человеческая оболочка едва удерживала то, что было скрыто внутри. Витрина рядом дрогнула, подсветка мигнула.

* * *

Рея швырнуло о стену с нечеловеческой силой, так что эбеновая панель жалобно хрустнула. Воздух начисто вышибло из легких. Кинжал оказался у его горла быстрее, чем мог бы заметить человеческий глаз, и вот уже ледяное лезвие коснулось кожи под подбородком. Холод пробежал по шее ледяными мурашками, а вот удерживающая его рука, напротив, оказалась обжигающе горячей. И не очень понятно было, что обжигало Рея сильнее, жар или холод.

Налитые тьмой глаза, где чернота была самой бездной, оказались совсем близко. Едва отдышавшись, он открыто взглянул в эту тьму, так и не пытаясь высвободиться.

Он думал о Фрае, о Гранте, о Бриджесе. О том, как тихо они умерли, не понимая, что именно пошло не так. О том, что он все равно не сможет жить, зная, что кто-то там, в Городе, может умереть вместо него.

Убийца же почему-то медлил. И Рею на миг показалось, что в затянувшей глаза тьме все же промелькнуло что-то человеческое.

— Я не люблю убивать. — Голос, до этого бархатный и тягучий, сейчас звучал опасным и древним. — Но мне придется.

Лезвие чуть сильнее прижалось к коже, Рей почувствовал, как по шее потекла кровь.

— Я не буду сопротивляться, — честно признался он, — лишь бы остановить эту цепочку смертей.

Убийца замер.

— Что? — Это прозвучало почти шепотом, совсем хрипло, будто перехватило дыхание.

Доминик отпрянул.

В этот же момент за его спиной ожил телевизор. Яркий всплеск света затопил комнату, и в следующую секунду пространство заполнил глуховатый голос диктора:

— …полиция продолжает расследование череды загадочных смертей. Буквально полчаса назад в собственной мастерской был обнаружен мертвым еще один мужчина…

6. Глава, в которой все не те, кем кажутся

Рей недоуменно смотрел на экран.

Высотка, похоже, где-то в центре, желтые ленты оцепления, вспышки камер, мелькающие силуэты полицейских. Еще один тихо умерший мужчина — смерть без видимых причин и без следов насилия.

Он перевел взгляд на своего несостоявшегося убийцу. Тот молчал, кажется, совсем забыв и о жертве, и о кинжале, все еще зажатом в его руке, только хмурился и недоуменно вглядывался в экран, где парамедики как раз выносили черный мешок с телом.

Выходит, Доминик Вален никакой не Посланник, и если бы Рей умер здесь и сейчас, его смерть ничего бы не изменила! Но кто же тогда Посланник? И кто — Доминик Вален? И почему он собирался убить Рея?

— Кто ты? — вырвалось у Рея раньше, чем он успел подумать, как глупо это сейчас прозвучит. Разумеется, он знал, кто перед ним по сути, но спрашивал отнюдь не об этом…

Доминик вздрогнул и обернулся. Тьма в его глазах рассеялась, будто ее и не было, а вместо хищной решимости Рей видел только такое же изумление, какое испытывал сейчас сам.

— Кто я? — с усмешкой переспросил Доминик и, наконец заметив, что все еще держит кинжал наготове, опустил оружие. — Отличный вопрос, доктор… — он снова кинул взгляд на экран и почти неслышно, хрипло пробормотал:

— Но если это не ты… — он не договорил.

— Не я? — Рей сглотнул.

Доминик вскинул голову.

— Зачем ты сюда пришел? — Взгляд темных глаз впился в Рея. — Ты был у Бриджеса…

— У Бриджеса?.. — Рей недоуменно прищурился. — Я приехал на вызов. Такая у меня работа. А вот что касается тебя… твое имя связано с каждым из тех троих, кто оказался мертв! Собственно, поэтому я сейчас здесь…

— Решил, это я их убил? — усмехнулся Доминик. — Я не убийца, я — торговец антиквариатом, — он кивнул на витрину, где в мягком золотистом свете лежали старинные часы и зеркала.

— Одно другому, очевидно, не мешает, — невольно засмеялся Рей, в свою очередь кивая на кинжал в руке Доминика. Смех вышел нервным, но ситуация и в самом деле показалась ему смешной. Порез на шее все еще жгло холодом, Рей потрогал его рукой — кровь уже не текла.

— Хмм… да, — с досадой признал Доминик, быстро убирая кинжал в ножны и пряча под одежду. — Но я их не убивал. А когда понял, что они со мной связаны, я сам начал искать убийцу. Так что ты ошибся.

— Раз это не ты… — Рей вздохнул и пожал плечами, пытаясь хоть как-то собрать разбегающиеся в стороны мысли. — Значит, это кто-то третий. И он все еще убивает.

— Блестящее наблюдение, — съязвил Доминик, но потом все же немного смягчился: — Выходит, сегодня мы оба допустили ошибку…

Выпуск новостей закончился, и громко зазвучала реклама. Оба невольно снова посмотрели на экран, и Доминик раздраженно щелкнул пультом.

— Проблема в том, — уже в тишине продолжил он, напряженно скрестив на груди руки, — что теперь мы оба не знаем, не только кто охотится, но и за кем… Я же правильно понимаю, *коллега сверху*… ты тоже на Земле нелегально? — Доминик посмотрел на него так пристально, что Рей вздрогнул.

— Я не… *коллега*, — медленно произнес он. — И, строго говоря, уже не *сверху*.

— Разумеется. — Голос Доминика стал вдруг мягким, почти бархатным, а в уголках губ дрогнула почти невидимая тень улыбки. Только вот не было в ней веселья. — Как и я уже не совсем *снизу*.

— Вот только люди, которые с тобой сталкиваются, ведут себя… немного странно. — Рей так и не смог подобрать более подходящее слово.

— Может, это просто мое обаяние? — с усмешкой парировал Доминик. — И они не всегда знают, как на него реагировать?

Ошарашенный Рей не нашелся, что ответить на такую вопиющую наглость.

— Ладно, *неколлега*. У нас тут патовая ситуация. — Доминик прошелся вдоль витрины, очень сейчас напоминая запертого в клетку хищника. — Ты считал, что я могу быть причастен. Я думал то же самое о тебе. Но надо выяснить, кто убивает на самом деле.

Рей нахмурился.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, — Доминик обернулся, и в его глазах снова на мгновение заклубилась тьма, — не мешать друг другу. Не больше. Ни меньше.

— Отличная идея, — с готовностью и облегчением согласился Рей. — Знаешь, мне вполне достаточно того, что ты уже чуть не убил меня сегодня.

— Не смею вас задерживать, доктор, — холодно проговорил Доминик. — Мне есть о чем подумать.

Рей коротко кивнул и направился к двери. Галерея погрузилась в вязкую и густую тишину, только за стеклом почти совсем затихший дождь шуршал по тротуару. Темный тяжелый взгляд в спину преследовал Рея до самого порога.

Когда, звякнув колокольчиком, дверь захлопнулась у Рея за спиной, он остановился и с наслаждением подставил лицо дождю. Холодно не было, но, только выдохнув напряжение, он ощутил, как предательски дрожат ноги и руки.

Дрожь постепенно отпустила, но вместе с этим пришло странное ощущение нереальности: он все еще жив, хотя не должен бы. Одно движение, одно неверное слово… И все могло закончиться там, у треснувшей от удара стены из красивого темного дерева. Рей все еще чувствовал контраст ледяного лезвия у горла и горячей хватки руки, обжигающей через одежду.

Но так же ясно он помнил и тот миг, когда внутри несостоявшегося убийцы что-то дрогнуло, и в этом коротком колебании чувствовалось что-то человеческое, будто в глубине чудовища на секунду вспыхнул чужой, неположенный ему свет.

Рей уже не сомневался, с кем он столкнулся, и тот должен был довершить начатое, но все же не довершил. Нежелание сопротивляться спасло Рею жизнь, и это само по себе казалось просто немыслимым.

Он закрыл глаза, позволяя каплям дождя свободно стекать по лицу.

А ведь Доминик — тоже сбой и ошибка Системы. Точно такая же, как он сам. Как же так вышло? Еще одна ошибка?

Рей думал, что он единственный, кто случайно выскользнул из-под контроля Системы. Выходит… не единственный. И если есть он и если есть Доминик… Если система дала сбой дважды, кто сказал, что сбой не множится? И сколько таких, как они, могут жить сейчас среди людей?

Так за кем же ведется эта охота?

* * *

Когда дверь за доктором захлопнулась, Ник еще долго не двигался, застыв в полутемном зале, слушая, как затихает дверной колокольчик. Смотрел в ту самую точку, где еще недавно стоял доктор. На след чудовищного удара на стене, где треснуло дерево, ощущая все еще висящий в воздухе запах дождя.

Что же получается, и этот поддельный доктор тоже жил свою тайную человеческую жизнь?

Как там было? Колледж, университет, ординатура, станция скорой помощи. Прекрасная биография!

Но тогда возникал резонный вопрос: а сколько еще таких вот ошибок, встроившихся в человеческую жизнь?.. Все это время они ходили по городу, растворившись в шуме улиц, учились или строили карьеру, наслаждались жизнью, пили по утрам кофе… И никто вокруг не подозревал, что перед ними не человек. Никто. Включая самого Ника. Если бы не зеркало в квартире Бриджеса, вряд ли бы он вычислил этого доктора Рея!

Пару мгновений он слушал, как капли дождя стучат по стеклу, чувствуя, как тьма внутри слегка шевелится, будто тоже пытаясь принять новую информацию.

В неземной жизни Ник привык считать себя хищником, который чувствует возможную угрозу заранее. Но здесь… здесь у него вышел полный провал.

Он провел рукой по лицу и выдохнул. Дрянная, абсолютно дрянная ситуация. Слишком много неизвестных.

Если сегодня он не смог распознать природу того, кто стоял в двух шагах, то что, черт возьми, будет, когда рядом окажется настоящий посланник?

Ник представил, как смерть просто пройдет мимо, и он даже не поймет, что она уже коснулась его плеча. Его снова бросило в жар.

И если таких, как он и доктор, уже много… То охота идет не на конкретного нарушителя, а на целую россыпь ошибок — ангельских и демонических.

Ник почти беззвучно выругался.

А что если… Он схватил со стойки мобильник.

— Ты в курсе новой «спокойной смерти»? — бросил он в трубку, как только на том конце смолкли гудки.

— Шутишь? Весь город только об этом и говорит.

— Мне нужно все, что знаешь. Срочно.

— Даниэль Рид, — без всякого промедления получил он в ответ. — У меня не было сомнений, что ты снова мне позвонишь, — в тихом голосе отчетливо послышалась насмешка, но Нику сейчас было не до этого. — Сорок один год, владелец небольшой мастерской по реставрации…

— … Антиквариата, — мрачно завершил фразу Ник.

— Верно. Там, в мастерской, его и нашли.

— Мне нужно попасть в эту мастерскую. Жду адрес и контакт, — отрезал Ник и оборвал звонок. Да, он действовал сейчас очень грубо — требовал, а не спрашивал. Но он непременно за все расплатится, но уже потом, не сейчас. Сейчас главное — сделать дело.

* * *

Ночной город сиял влажным неоном. Дождь совсем стих, асфальт черной блестящей лентой с шуршанием раскатывался из-под колес. Машины тянулись мимо ленивым потоком — в центре Города жизнь не затихала ни на минуту.

Ник нашел мастерскую без труда. Это оказалась жилая высотка из стекла и бетона с коммерческими помещениями в цокольном этаже. Сейчас витрины наглухо закрывали опущенные металлические жалюзи. Рядом, под вывеской, стоял немолодой мужчина в темной ветровке, уставившийся в мобильник. Подняв на Ника взгляд, он коротко кивнул и сунул телефон в карман.

— Ты? — отрывисто спросил он, не утруждая себя приветствием.

— Я, — отозвался Ник, окидывая его взглядом. Типичный полицейский, с безразличным лицом и тусклыми глазами, который давно и ко всему потерял интерес. Самый идеаль-

ный вариант для таких сделок, ведь стоит только заплатить по таксе, и он отвернется ровно настолько, насколько тебе нужно.

— Сказали, ты хочешь осмотреть место, — проговорил мужчина. Его голос звучал тихо, без всякого выражения. — У тебя пять минут. И это обойдется тебе… — он поднял пять пальцев, и это прозвучало так буднично, будто они обсуждали цену за ланч, а не грубейшее нарушение его должностных обязанностей.

— Аванс. — Ник передал ему заранее подготовленный конверт. — Остальное после.

— Иди. — Он спрятал конверт, даже не заглянув в него. — Ничего не трогай. И свет не включай, свети фонарем. — Он поднял жалюзи ровно настолько, чтобы Ник мог проскользнуть внутрь, а сам остался стоять снаружи.

Темнота внутри была чересчур густой и вязкой, и впускала в себя неохотно. Ник почувствовал, как внутри, где-то под ребрами, снова с интересом зашевелилась тьма, словно узнала в воздухе что-то родственное. Воздух пах старой древесиной, лаком и еще чем-то металлическим. Ник включил фонарик на мобильнике.

На рабочем столе царил полный порядок: инструменты в специальных креплениях, реагенты, баночки с красками, бутыли с лаками — все стояло на своих местах.

В углу Ник нашел телевизор и маленький уголок с кухней. Он прошел в другую сторону и, ощутив знакомый «аромат», замер возле многочисленных стеллажей. Фонарик выхватил полку с заказами, и внимание Ника сразу привлек небольшой резной футляр. От него-то и исходило то самое тонкое ощущение, которое Ник так хорошо научился распознавать — след силы и памяти.

Он наклонился ближе, заметив, что к футляру была приклеена бирка с номером заказа.

Отлично! Теперь нужен список клиентов.

Ник зашарил фонариком по комнате. Луч выхватывал из темноты то блеск лака, то холодное мерцание инструментов… и вдруг резко отразился обратно, едва не ослепив самого Ника.

На дальней стене висело зеркало в старинной, темной раме. Ник буквально воочию увидел, насколько бережно относился к этой вещи ее хозяин — зеркальная поверхность была идеально отполирована.

Он подошел ближе, свет фонаря дрогнул, и отражение Ника вспыхнуло и ожило, уже не послушное его движениям. Глаза заполнила тьма, только и ждущая, чтобы он поддался. Тьма, так мечтающая выползти наружу. Тьма, с которой он отчаянно спорил и пока побеждал.

Лицо отражения исказила гримаса, губы раздвинулись в беззвучном хищном рычании.

— Хватит, — негромко, но твердо сказал отражению Ник.

Тьма внутри дернулась… и, отступая, неохотно заползла обратно. Лицо в зеркале снова сделалось человеческим.

В последнее время спорить с тьмой приходилось все чаще и чаще, и никак не удавалось вернуть себе полный контроль. Ник с досадой тряхнул головой, и тут же вздрогнул, ощутив в зеркале присутствие силы и памяти. Оно ощущалось как тонкое биение пульса. Зеркало будто помнило прикосновения, дыхание и мысли того, кто стоял перед ним каждый день.

Ник осторожно коснулся рамы рукой, по пальцам пробежало жгучим дуновением холода. Нет, это был не просто предмет интерьера — это была вещь силы хозяина.

«Жаль, я не проверил зеркало Бриджеса» — с усмешкой подумал Ник.

— Черт! — Холод стал нестерпимым, и Ник отпрянул, задевая ботинком что-то лежащее на полу. Неужели то, что он и искал?!

Ник присел рядом на корточки, открывая потрепанный ежедневник и нетерпеливо пролистывая страницы до нужной даты. Он заскользил пальцем по строчкам, пока не нашел нужный номер… Да! Строка совпала с номером на футляре. Номер заказа — имя клиента — адрес.

— Андре Ольсен, — едва слышно прошептал Ник. — Боюсь, *коллега*, вы можете стать следующим, — сказал он неведомому владельцу футляра, встал, на мгновение задумался… а затем решительно взял футляр с полки.

Когда Ник снова проскользнул под приоткрытые жалюзи, полицейский смерил его выразительным взглядом и кивнул на футляр в руке.

— Э-э, — нахмурился он. — Я же сказал: ничего не трогать.

— Это — личная вещь, — спокойно ответил Ник. — Я собираюсь вернуть ее тому, кому она принадлежит. У тебя проблем не будет, зато будет компенсация.

Полицейский было занервничал, но потом фыркнул в ответ, быстро закрывая дверь и опуская жалюзи.

— Ладно. Меня здесь не было. И тебя тоже.

— Вот и отлично, — Ник передал ему вторую часть суммы с учетом компенсации. Тот молча спрятал конверт во внутренний карман ветровки, быстро сел в машину и укатил, не оглядываясь.

Ночь будто выдохлась после дождя, и город казался усталым и вялым, но по-прежнему никогда не спящим.

Ник немного еще постоял, медленно втягивая носом влажный воздух, явственно отдающий бензином, и разглядывая отсветы неоновых вывесок.

Ехать прямо сейчас к Ольсену было глупо, три часа ночи — приедешь и только переполошишь весь дом. Лучше отправиться к нему уже утром, тем более, что дом расположен буквально на соседней улице.

Ник сел в машину и двинулся домой.

Двадцать лет он был уверен, что один выскользнул на Землю, один нарушил правила, один сумел вырваться и остаться здесь человеком.

Двадцать лет жил с убеждением, что система только с ним одним дала сбой.

Но выходило, что есть еще такие же, как он. Причем и сверху, и снизу. А сколько же тогда посланников?

От этой мысли холодок пробежал по спине.

Черт. Ладно. Если повезет, что-то удастся узнать у этого Андре Ольсена.

Город за лобовым стеклом продолжал тихо мерцать отражениями вывесок, мокрых фонарей и полупустых перекрестков.

— Надеюсь, Андре, — тихо сказал Ник, кинув быстрый взгляд на серебристый футляр, — ты будешь жив и утром откроешь мне дверь.

7. Глава, в которой одной логики недостаточно

Дома казалось чересчур тихо, вот только не той уютной тишиной, к которой Рей привык, а давящей, будто стены исчезли, и звуку просто не за что было теперь зацепиться. Он поймал себя на том, что смотрит в книгу, а сам только и ждет, что эта тишина начнет звенеть. Стоило же выйти на кухню, поставить чайник и сесть за стол, как в голове всплыли обрывки бесконечно долгого дня.

Фрай, Грант.

Очевидно, что и они не люди, так отчаянно старающиеся быть людьми. Вот почему у них дома все внутри Рея отзывалось так болезненно знакомо.

Он всегда был немного чудаковат, почти ни с кем не общался. Книги — его «братья по разуму».

Голос пожилого соседа всплыл ясно, будто тот стоял сейчас рядом. А следом уже звучал срывающийся, всхлипывающий голос Анны.

Добрый, хороший, но внутрь никого не пускал.

Рей с удивлением ощутил соленый привкус во рту — не заметил, как прикусил себе губу до крови.

Осторожность, невозможность сделать шаг навстречу, страх ошибиться, разочаровать, и следом разочароваться самому, а самое главное — *невозможность довериться.*

И вот так мы живем… Вот та плата, чтобы чувствовать себя настоящим. Как в той старой и совсем не детской сказке о русалочке, о той, что согласилась терпеть боль при каждом шаге, лишь бы иметь возможность быть с человеком.

Или как в той, теперь уже очевидно «не сказке»… Книга из Спецфонда, что он увидел у Фрая, как живая, встала перед глазами. Темный переплет с почти стертыми золотистыми буквами… где звучали голоса одиноких богов.

В груди поднималось знакомое беспокойство, то самое, которое Рей всегда прогонял прочь. Он резко встал и прошелся по комнате, все еще пытаясь вытряхнуть из головы воспоминание.

Нет. Он не хочет туда возвращаться.

Но память сегодня оказалась особенно безжалостной и упрямой.

Это было утром, самым обычным утром, если не считать того, что накануне вечером он впервые за долгое время решил остаться.

Рей с сожалением отметил, что даже спустя столько лет он помнит все буквально до мелочей.

* * *

Свет из окна бил прямо в лицо, и Рей все собирался попросить задвинуть штору, но так и не сделал этого. Просто щурился, пока она рассказывала смешные истории из своего детства, смеялась и закрывала раскрасневшееся лицо руками. Смех трепетно и живо отзывался у него внутри — сердце то и дело забывало, как ему положено биться.

Рей слишком долго учился быть рядом по-настоящему: не прятаться, не держать дистанцию. И сейчас, когда нужные слова в голове уже почти выстроились, он чувствовал странное спокойствие и готовность.

— Ты сегодня какой-то… задумчивый, — заметила она, щурясь, отчего в синих глазах искрились смешинки.

Он улыбнулся и, заставив себя не отводить взгляд, сказал:

— Я хотел с тобой поговорить.

Она сразу стала серьезнее. Не насторожилась, просто посмотрела уже внимательнее и уточнила:

— О нас?

Он кивнул.

Она выдохнула, словно собираясь с мыслями, и сказала:

— Знаешь, что я больше всего ценю? — Рей замер, он не ждал от нее никакого подвоха, но внезапно почувствовал, как похолодели кончики пальцев, хотя сердце билось все еще ровно.

— То, что мы равные, — она сказала это легко, как нечто само собой разумеющееся. — Ты никогда не ставишь себя выше. Не поучаешь. Для меня это важно. Я не смогла бы быть с человеком, который считает себя умнее, лучше и правильнее. Ты ведь понимаешь, о чем я? — Она улыбнулась так доверчиво и искренне, что Рей на мгновение задохнулся.

А потом он осознал смысл, и внутри что-то оборвалось. Рассыпалось. Словно он долго и тщательно строил надежный дом, а тот на поверку вдруг оказался карточным. Ведь он собирался сказать совсем другое. Еще минуту назад был уверен, что наконец готов сделать следующий шаг, а теперь не мог даже представить, как произнесет эти слова.

Равные.

Да, Рей понимал. Слишком хорошо понимал, что она имеет в виду. Ему так захотелось крепко зажмуриться и сделать вид, что ничего сказано не было, просто откатить ее слова назад.

Она говорила о равенстве ролей и возможностей: о том самом мире, в котором нет места тому, кто всегда будет немного другим. О доверии, которого не может быть, пока он скрывает от нее самое главное. А сказать правду означало рискнуть всем, что между ними возникло. Она либо испугается и отшатнется, либо начнет искать оправдания. Он уже однажды поверил, что близкий человек сможет принять правду, до сих пор помнил, как изменилось лицо друга, когда тот наконец понял, кто перед ним. Рей не был уверен, что сумеет пережить такое еще раз, особенно теперь, когда терять будет гораздо больнее. И для него, а потом неминуемо и для нее тоже.

— Да, понимаю, — ответил он. — Это очень важно.

Он старался говорить и смотреть спокойно, хотя внутри все стремительно затягивало льдом. Она будто что-то почувствовала, вдруг потянулась через стол и ласково коснулась его руки, но Рей осторожно высвободился.

— Я не смогу продолжать, — тихо сказал он. — Прости.

Она не сразу поняла — во взгляде медленно растекалось недоумение.

— Рей…

— Не нужно ничего говорить, — он покачал головой. — Ты же потом будешь жалеть. Ты не виновата. Дело во мне — это *я* должен был понять раньше.

Она смотрела на него молча, еще до конца не осознавая, вот только боль уже проступила в заблестевших глазах.

Он так не хотел причинять ей боль, но уже сделал это. И Рей знал, что если останется хоть на минуту дольше, будет только хуже, так что поднялся из-за стола.

— Ты об этом хотел поговорить? — тихо уточнила она, все еще не отводя недоверчивого и растерянного взгляда. Он на секунду запнулся, а потом все же твердо проговорил:

— Да. Ты заслуживаешь того, кто сможет быть с тобой полностью. Я не смогу.

Больше она не сказала ни слова.

Он взял куртку, ключи, и только у двери уже понял, что это действительно конец, и не только этим отношениям. Пальцы свело так, что Рей уронил ключи, а поднимая их с пола, он вдруг почувствовал, что она вышла из кухни и стоит у него за спиной.

— Ты ведь так и будешь все время бояться, да, Рей?

Слова попали больно и точно. Он передернул плечами и быстро вышел, не оборачиваясь.

* * *

Сначала раздался звук: визг тормозов, глухой удар. И сразу короткий вскрик.

Ник вздрогнул и обернулся.

Человек лежал навзничь на пешеходном переходе совсем близко к тротуару: одна рука — вытянута, а другая — прижата телом. Нога вывернулась под странным углом, но крови почти не было. А еще ботинок. Дорогой рыжий ботинок одиноко пламенел на серой поверхности тротуара.

«Emporio, из последней коллекции», — отстраненно подумал Ник. Это было первое, что пришло в голову, а потом он опомнился. Быстро вытащил телефон и нажал экстренный номер вызова.

— Господи… — раздалось рядом так громко, что перекрыло идущие из трубки гудки.

Ник повернул голову. Пожилая женщина неуверенно шла к сбитому, будто боялась того, что может сейчас увидеть.

— Это же Андре … — придушенно выдавила она, едва взглянув на мужчину, лежащего на дороге. — Из двести одиннадцатой. Мой сосед. Андре Ольсен… Такой спокойный. Всегда здоровался.

Ольсен. Ну, разумеется.

Ник устало прикрыл глаза. Но на том конце как раз сняли трубку, и он коротко обрисовал суть произошедшего. Отвечая на уточнения оператора, Ник подошел ближе к переходу. Вокруг уже собрались люди.

— Только не трогайте его! — передал он полученное указание охающей толпе, убирая телефон. — Может быть повреждение позвоночника.

Значит, Ольсен…

Ник присел рядом с мужчиной на корточки, и в нос ударило запахом жженой резины. А Ольсен был жив: глаза открыты, дыхание неровное и частое. Он пытался что-то сказать, но звуки не складывались в слова.

— Не двигайтесь, врачи уже едут. — Ник смотрел на бледное с кровавыми ссадинами лицо. Губы все еще старательно шевелились.

Травмы, похоже, серьезные, но если Ольсен не человек, у него весьма немалые шансы выжить. У них же всех повышенная регенерация.

Ник поморщился от воспоминания, как в первую же неделю пребывания на Земле залечивал очень серьезное ножевое ранение. Тогда он был слишком самонадеян и еще совсем не знал правил и законов улицы.

Так человек или нет? Никаких ощущений. Ни малейшего отклика. Все выглядело раздражающе обыденным.

Толпа позади перешептывалась, водитель сбившей Ольсена машины стоял в стороне, бледный, с трясущимися руками, с кем-то отчаянно ругаясь в трубку мобильника.

Ник же никак не мог определить, что не так, и это нервировало еще больше. Мозг отчаянно пытался выявить хоть какое-то несоответствие.

Скорая приехала быстро. «Быстрее, чем в прошлый раз», — успел насмешливо подумать он, когда из машины вышел врач, и Ник узнал его и уже даже не удивился.

Рей тоже без всякого удивления взглянул в ответ. Ник поднял было ладони, намереваясь съязвить, что не надо думать, будто это его вина, но, наткнувшись на холодный взгляд, все же не стал и просто кивнул на водителя.

Рей немедленно занялся Ольсеном. Фельдшер уже устанавливал капельницу, подключал кислород.

Ник отошел на пару шагов назад, и вскоре ясно увидел по лицам врачей, что те уже понимают исход, но все равно еще пытаются. Наконец Рей выпрямился.

— Время смерти: семь двадцать две. — Слова глухо отразились в непросохшем с ночи асфальте.

Ник обернулся, будто его что-то дернуло. Незнакомая девушка стояла чуть поодаль и смотрела на мертвое тело. Поймала взгляд Ника, и вдруг тихо спросила:

— Это он?

Ник удивленно приподнял бровь.

— Андре Ольсен. Вы его знали?

Она не ответила, подошла ближе, опустилась рядом с телом, не касаясь его. Ник продолжал наблюдать, краем уха слыша приближающуюся сирену полиции.

— Я… — шепнула девушка, машинально откидывая с лица светлые, почти белые волосы, и замолчала. Потом добавила:

— Сегодня у него юбилей.

Ник замер. Внутри ширилось ощущение, что Ольсен умер, но тем не менее ничего еще не закончилось. Он нащупал резной футляр, лежащий в кармане куртки, — заказ, который, как он думал, больше не имел адресата. Или все же имел?

Подарок на юбилей?

* * *

Полицейские закончили задавать вопросы, и Рей подписал медицинское заключение. На самом деле процедура была далеко не новой, но даже самые обычные вещи сегодня давались ему с трудом. Еще только начало смены, а он чувствовал себя совершенно опустошенным.

Доминик все еще стоял неподалеку от тела. Рей не удивился его появлению, он почему-то не сомневался, что они еще неминуемо пересекутся, разве что не ожидал, что это случится настолько скоро.

Рядом с погибшим на коленях стояла девушка, и, видимо, из уважения к ее горю, фельдшер не стал пока полностью накрывать тело.

Вот только Рей не мог не обратить внимание, что она не плакала, не раскачивалась, не хватала погибшего за руки, просто сидела и смотрела так, будто пыталась запомнить этот момент.

Очень похоже на шок.

Рей осторожно подошел ближе, но встал так, чтобы не напугать ее своим появлением.

— Вам нужна помощь? — спросил он максимально нейтральным тоном.

Девушка подняла глаза, светлые, почти прозрачные, и Рей не увидел во взгляде отчаяния, скорее какое-то напряжение, будто она держала что-то внутри из последних сил.

— Нет, — ответила она после паузы ровным голосом. — Спасибо. — И сразу отвела взгляд.

— Хорошо, — Рей озадаченно кивнул. Он видел шок в десятках разных оттенков, но это было что-то совсем другое — то, как она говорила и смотрела. — Как странно… — Он даже не сразу понял, что произнес это вслух.

Почувствовав внимательный взгляд Доминика, Рей на секунду поднял глаза, но тот уже смотрел на несчастную девушку. «Что он вообще здесь делает?» — с неожиданным раздражением подумал Рей, очень стараясь не позволить эмоциям выплеснуться наружу. В памяти невольно всплыла история с Анной, и ее взвинченное состояние после посещения Доминика…

Рей нахмурился и снова обратился к девушке.

— Если вдруг станет плохо, подойдите к полицейским, — негромко сказал он. — Они помогут.

Она глубоко вздохнула и быстро поднялась с колен.

— Спасибо, доктор. Я справлюсь. — Снова этот ровный бесцветный тон и длинные паузы между словами.

Полицейский жестом дал понять Рею, что можно ехать, а сам как раз занялся девушкой. Несколько успокоенный этим фактом, Рей развернулся, пошел к машине, снова чувствуя тяжелый взгляд Доминика на своей спине, но не обернулся, сел в машину, хлопнул дверью. Скорая тронулась с места.

Рей смотрел перед собой, но образ сидящей на мокром асфальте девушки и наблюдающего за ней Доминика все еще навязчиво стоял перед глазами.

* * *

Полицейский закончил задавать вопросы и отошел. Девушка растерянно оглянулась, словно не зная, куда ей дальше идти.

Ник подошел к ней.

— Можно?

Она сразу подняла на него глаза.

— Да.

Ник кивнул и сунул руку в карман куртки. Футляр был там. Он открыл его еще ночью. Внутри лежал мужской серебряный перстень-печатка. Старинный, изящный, из той серии, что не покупают случайно и не дарят «просто так». Ник вытащил футляр и протянул ей.

— Я полагаю, это теперь ваше, — сказал он. — Вы же оформляли заказ на имя Андре. Курьер должен был привезти сегодня.

Она помедлила, но потом взяла.

— Спасибо. — Не открыла, ничего не спросила — явно уже знала, что там внутри. — Да, верно. Но не успел.

— Что? — удивленно переспросил Ник.

Она покачала головой.

— Нет, ничего. — А потом едва слышно добавила: — Это я не успела. Нет. Не смогла.

Она сделала шаг назад, потом еще один, словно проверяя, можно ли просто уйти. Потом развернулась и быстро пошла вдоль улицы, не оглядываясь. Он не двинулся следом, не попытался ее удержать, и она быстро растворилась в людском потоке.

Возвращаясь к машине, Ник все обдумывал ее слова. Пока ясно было одно: девушка, по всей видимости, не человек. Она не среагировала на него, как против воли реагируют все люди — смотрела ровно так же, как на него смотрит коллега доктор — как на объект, с которым поневоле приходится взаимодействовать.

Ник усмехнулся, с неохотой признавая, что это вполне логично, если остаточный шлейф демонической ауры на «своих» не действует.

Но в этой истории явно чувствовалось какое-то «пустое место» — будто что-то должно было случиться, но так и не произошло. Ольсен погиб. И Ник не видел в этом никакого умысла. Просто идиот-водитель с телефоном в руке и мокрый асфальт. А вот девушка так и не задала ни одного вопроса ни врачам, ни полиции. Не спрашивала о том, что будет дальше, как будто это ее вообще не касалось. И не удивилась, откуда у Ника оказалось кольцо.

Не успела. Не смогла.

В этих ее словах слышалась только сухая констатация факта.

Стараясь не раздражаться попусту, Ник прокрутил разговор еще раз. Все это походило на попытку выиграть в нелепую игру, правила которой никто не потрудился объяснить. Но в этот раз он не будет додумывать. Ник знал за собой эту привычку — выстраивать версии раньше времени, заполняя пустоты тем, что под рукой. Но сейчас ставки стали слишком высоки, он не мог позволить себе ошибиться.

Ник хорошо понимал мотивы людей, когда речь шла о намерениях, выгоде или угрозе. Но здесь дело явно было в другом, в том, что, увы, находилось за пределами его понимания.

«Странно…» — обронил доктор.

Ник скривился, с неохотой признавая, что именно это слово и осталось самым точным описанием происходящего. Он посмотрел туда, куда уехала скорая. Похоже, что доктор заметил какую-то несостыковку.

Ник сел в машину и завел двигатель. Если он хочет разобраться, ему нужен тот, кто видит не события, а людей внутри этих событий. И, нравится Нику это или нет, на примете у него пока только один кандидат.

* * *

К вечеру город затянуло туманом. Дождь так и не пошел, и воздух ощущался густым и тяжелым.

Ник приехал чуть раньше и поставил машину напротив дома Рея, заглушил двигатель. Сидел, не включая свет, наблюдая за подъездом. Ждать Ник умел.

Рей появился минут через десять. Ник почему-то был уверен, что это его машина, хорошая, с виду ничем не примечательная, но удобная и очень надежная.

Рей уже захлопнул дверь своей машины, но на секунду задержался, прикрыв глаза. Он опирался ладонью о крышу машины и словно не верил, что длинный день действительно уже закончился. Ник намеренно не стал скрывать шаги.

Рей поднял голову — взгляд холодный, но снова совершенно без удивления, будто он с самого утра знал, что этим неминуемо все и закончится.

— Добрый вечер, доктор. На этот раз уже я внезапно и без записи, — сказал Ник, останавливаясь в паре шагов.

— Не внезапно. — Рей покачал головой. Его голос звучал устало. — Вы что-то забыли утром?

— Скорее понял, что утром мне не хватило информации. — Ник чуть усмехнулся.

Взгляд Рея стал куда внимательнее, и Ник вдруг подумал, должно быть, доктор так смотрит на новый симптом: не опасен ли, не требует ли срочных мер или устранения?

— Здесь не лучшее место для разговоров, — сказал Рей после короткой паузы.

— Я не настаиваю на комфорте, — пожал плечами Ник. — Только на паре ответов.

— Каких?

Ник не стал ходить кругами, спросил прямо:

— Вы сказали «странно». Про девушку.

Рей медленно перевел взгляд на подъезд, потом на светящиеся в доме окна.

— Я сказал это вслух? — он усмехнулся.

— Да, — подтвердил Ник. — Вы явно что-то заметили.

Он не добавил: «что-то, чего не смог увидеть я».

— Сначала я решил, что она в шоке, — Рей пожал плечами.

— Но? — Ник приподнял бровь.

— Но это был не тот шок, к которому я привык, — продолжил Рей, возвращая взгляд к Нику и глядя ему прямо в глаза. — Вы тоже это заметили, иначе бы вас здесь не было.

— Заметил, — кивнул Ник и с усилием заставил себя добавить: — Но я не понимаю, что именно.

Рей несколько секунд молчал, потом достал ключи и кивнул в сторону подъезда.

— Пойдемте. Здесь слишком много ушей.

— Честно говоря, не сомневался, что вы меня прогоните, — с усмешкой сказал Ник.

— Я об этом подумал, — спокойно ответил Рей. — Но это ничего не решит.

Он развернулся и пошел к подъезду. Ник последовал за ним, испытывая неприятное осознание: впервые он шел не потому, что сам держал ситуацию под контролем, а потому что признавал — ему нужен иной угол зрения.

8. Глава, в которой маршрут меняется

Квартира снова встретила тишиной, но уже другой, чем утром, не давящей, а скорее настороженной и усталой.

Рей бросил ключи на тумбочку, включил свет в прихожей и только потом обернулся. Доминик стоял у двери, осматриваясь, словно собирал информацию.

— Чай? — спросил Рей, снимая куртку.

— Лучше кофе. Но и от чая тоже не откажусь.

Рей ушел на кухню, отметив, как гость пошел было следом, но все же вернулся в прихожую и снял пальто, а потом уже устроился за столом. Он выглядел настороженным, но это скорее было сродни рефлексу хищника.

Привычно поставив чайник, Рей достал чашки, включил кофемашину.

— Вы сказали, — начал Доминик, не дожидаясь, пока хозяин тоже сядет за стол, — что вам показался странным шок девушки.

— Да.

— Именно странным?

— Вас смутила формулировка? — Рей с удивлением обернулся и поймал себя на том, что было куда проще видеть Доминика в привычной маске, сейчас же в нем было что-то оголенное, почти настоящее, и именно это тревожило.

— Я такие вещи отмечаю, — Доминик усмехнулся. — Обычно они потом и оказываются самыми важными.

Чайник закипел, и Рей заварил себе чай, и запах трав немедленно распространился по кухне. Перед гостем уже стояла дымящаяся чашка кофе.

— Шок бывает разным: не все кричат или плачут. Но она была именно собрана… — Рей помедлил, подбирая слова. — Не в смысле «взяла себя в руки», скорее как будто руки и «не разжимались».

Доминик медленно кивнул.

— Она четко понимала, что происходит, — пробормотал он.

— Верно. Вы же считаете, что она… не человек? — спросил Рей осторожно.

— Да, — прозвучало в ответ без колебаний.

Рей сделал глоток чая.

— А почему вы так уверены?

— Она не отреагировала на меня.

— Доминик пожал плечами.

— В каком смысле?

— В обычном, — Доминик криво усмехнулся. — Люди реагируют. Всегда.

— Так вы ее провоцировали? — Рей покачал головой, невольно снова вспомнив Анну и еле сдержался, чтобы не поморщиться.

— Это работает само собой, хочу я этого или нет, — сказал Доминик с раздражением. — Остаточный эффект.

— Искушений? — усмехнулся Рей, но скорее по инерции, чем всерьез.

— Предоставления выбора, — тут же вкрадчиво поправил его Доминик, поднимая указательный палец. — Не уподобляйтесь вашим категоричным коллегам, доктор. Вы уже пожили на Земле и должны понимать, как это работает. Систему не интересует так называемая «праведность», ей нужен здоровый и сознательный выбор души. Вам напомнить свод правил? — и он процитировал на память: «Не растворяться в других, но и не отгораживаться от них. Не жертвовать собой, но и не использовать. Не бежать от выбора, но и не перекладывать его на других. Действовать, а не просто принимать обстоятельства».

Рей хотел было возразить, но остановил себя. Он покрутил чашку в руках, наблюдая, как по поверхности чая пошла волна.

Доминик был прав: Система никогда не работала линейно, поскольку человеческая душа проходила «жизненный экзамен». При необходимости ангелы помогали ей себя удерживать, демоны — следили, чтобы привычка не подменила выбор. А если душа не справилась, то рождалась заново, и так будет происходить до тех пор, пока она не научится удерживать себя в равновесии.

Рей это знал. Всегда знал. Но как же удобно было обвинить другую сторону в том, с чем не справился сам! Этим грешили и сверху, и снизу, привнося в общую работу неизменную атмосферу соперничества.

Остаточный эффект. Что ж, если сам Рей невольно действует на окружающих «выравнивающе», то неудивительно, что демон будет, наоборот, выводить их из равновесия.

Но Рей слишком хорошо помнил, как приводил Анну в чувство и помогал возвращать утерянное ощущение границ.

— Безусловно, я понимаю. — Он поднял глаза на Доминика. — Вот только сейчас, когда вы здесь, на Земле, все работает немного иначе. Доминик скептически приподнял бровь. — Душу никто не готовил к прямому контакту с демоном во плоти. Это попросту опасно. Если момент неудачен, а человек нестабилен, ему нельзя предлагать делать выбор. Даже невольно. Ведь Анна ничего не выбирала — просто произошел срыв, — закончил свою мысль Рей.

Доминик несколько секунд молчал, рассматривая его поверх чашки.

— Знаете, доктор, — наконец сказал он, — вы снова говорите, как ваши коллеги.

— Нет, — тихо возразил Рей. — Я говорю как тот, кто ее «собирал» после вашей встречи.

Доминик недовольно передернул плечами.

— Давайте все же вернемся к девушке, — сменил он тему. — Вот она смотрела на меня, как смотрите вы, доктор. На вас же тоже не действует мое очарование! — Черные глаза насмешливо вспыхнули над чашкой кофе.

Рей чуть усмехнулся, одними уголками губ.

— Вы правы.

И это действительно было так: когда Доминик очаровывал полицейских, когда воздух вокруг него незаметно менялся, Рей оставался в стороне. Разумеется, он не был просто устойчивее, он по определению не мог на это никак откликнуться.

— Плюс, — тем временем продолжал Доминик, — она не задала ни одного вопроса. Ни врачам, ни полиции, ни о теле. Ни про «что дальше». Я отдал ей кольцо, которое она заказала на имя Ольсена. Она и об этом не спросила.

— Да, все так, — подтвердил Рей. — А что за кольцо?

Доминик сделал глоток кофе, прежде чем ответить.

— Четвертая «тихая смерть» — Даниэль Рид. — Он кивнул. — Я решил проверить его мастерскую по реставрации антиквариата. Неофициально.

— И что-то нашли?..

— Футляр с кольцом и адресом как раз того самого Ольсена, которого сегодня сбила машина. — Доминик поставил чашку на стол. — Кольцо сильно «фонило». А еще у самого Рида висело необычное зеркало… Полагаю, такое же висело у Бриджеса, и благодаря ему я вас и вычислил, коллега.

Рей поднял взгляд. Он не чувствовал силу предметов — ни памяти, ни отклика, ни следа. Это было даром демонов, они умели работать с накопленной человечеством силой и памятью. И если Доминик говорил, что кольцо и зеркало «фонят», — это была отнюдь не фигура речи.

Зеркало у Рида, зеркало у Бриджеса.

Демоны всегда были привязаны к зеркалам. Раньше Рей думал, что это тщеславие и самолюбование, но может, зеркала просто давали им возможность увидеть себя без необходимости выглядеть кем-то другим? Он бы тоже не отказался порой увидеть себя настоящим.

— Зеркала не договариваются, — тем временем негромко пояснил Доминик, словно откликаясь на его мысли. — Не смягчают и не подстраиваются, просто показывают, что есть, а старые — особенно.

— Значит, — сказал Рей, — мы оба считаем, что они тоже не люди.

— Уверен, оба были демонами, — подтвердил Доминик и откинулся на спинку стула. — Есть еще двое…

— Фрай и Грант.

— Да.

— Я был у Фрая, — сразу сказал Рей. — Беседовал о нем с соседом. Закрытый, одинокий, увлеченный чтением, стал уходить куда-то по ночам. Позже, у Гранта… Анна сказала, что у него были проблемы с доверием. И мне показалось… — признание потребовало от него серьезных усилий, — что и Фрай, и Грант были такими же, как я.

Доминик с интересом посмотрел на него.

— То есть, — продолжил Рей, — если бы ангел попытался жить как человек, он выглядел бы именно так. Поэтому я решил, что их убили вместо меня.

Доминик неожиданно засмеялся.

— Интересно.

— Что? — Рей удивился. — А что вы увидели?

Доминик пожал плечами.

— Отсутствие родственников, отношений, хороший достаток, тяга к антиквариату, предметы силы… Ну и я решил, что их убили вместо меня.

— Посланник?

* * *

— Посланник? — спросил Рей.

Ник поставил кружку на стол и провел рукой по лицу. Кожа под ладонью стала теплой, а внутри, под ребрами, уже шевелилось то, что раньше предупреждало его за секунды до угрозы — чистый рефлекс хищника.

Он не любил эти ощущения. Они всегда означали, что поздно спорить с логикой, что опасность уже стоит рядом, просто еще не показалась.

— Да, я тогда так и подумал, особенно когда услышал про мигающий свет и сбой камеры. Все говорило, что это посланник. — Ник замолчал, потом с досадой махнул рукой. — Но теперь это плохо сходится.

— Почему? — Голос Рея по-прежнему звучал спокойно.

Ник выдохнул.

— Чертов Бриджес пришел ко мне за кольцами. И это было… нормально. Обычная человеческая история, может, немного странная, но не подозрительная.

Рей внимательно слушал.

— Кольца влюбленных. Сросшиеся, с таинственной историей. Человек хочет сделать подарок и меняет старинное зеркало на редкие кольца. Я даже особо не задумался тогда. — Ник замолчал, нахмурился. — А теперь, — проговорил он медленно, — я уверен, что Бриджес был демоном…

Рей кивнул, но снова ничего не сказал.

— И это уже не выглядит нормальным! — Ник чувствовал, как внутри закипает злость. — Это выглядит как полный бред! — Он хлопнул рукой по столу. — Не знаю, как там у ангелов, но демону кольца ни к чему. Ему не нужна пара. Ему вообще не нужен кто-то другой!

Рей тихо поставил чашку на стол.

— А если не бред? Каким бы словом вы это назвали? — тихо спросил он.

Ник посмотрел на него с раздражением.

— Каким еще словом?

— То, что вы описываете…

Ник хотел ответить резко и вдруг замолчал.

— Это… — он скривился, подбирая слова, — …попытка связи.

Рей кивнул, на мгновение закрывая глаза.

— Привязанности, — уточнил он, и его голос дрогнул.

Слово ощущалось физически неприятным, и Ник несколько секунд смотрел на Рея молча.

— Вы говорите это так, будто…

— Будто знаю, — перебил Рей, и в этом явно прозвучало больше резкости, чем он явно планировал. Но он тут же осекся. — Простите.

Ник снова провел рукой по лицу, тщетно пытаясь стереть то, что уже сложилось в голове, но еще не оформилось до конца.

— Черт.

Рей вздохнул.

— Я нашел у Фрая книгу из Спецфонда. «Одинокие боги» — очень непростая вещь.

— Там было несколько весьма специфических книг с «фоном», — буркнул Доминик.

— Я не чувствую у предметов излучение, — Рей покачал головой. — Только от текста. Я читал эту книгу совсем недавно, и чем дольше я о ней думаю, тем больше история напоминает то, что происходит здесь, в Городе.

Ник коротко усмехнулся.

— Предлагаете взглянуть на книгу? — он вдруг вскинул голову и посмотрел на Рея.

Тот тоже поднял на него взгляд.

— Прямо сейчас?

— Да, — Ник уже встал из-за стола. — Пока это не улеглось, и я не начал объяснять себе, что это точно бред.

Рей помедлил всего секунду.

— Ладно, — сказал он. — Поехали.

* * *

Двери захлопнулись одновременно, Ник завел двигатель, и салон наполнился ровным гулом, который обычно помогал ему думать. Сейчас, правда, это не сработало.

Поначалу они ехали молча. Город тянулся за окнами полосами света и отражений. Витрины, лужи, стекло — все множилось, дробилось, повторялось. Ник поймал себя на том, что слишком часто поглядывает на спидометр: хотелось прибавить скорость, но вечерний трафик не позволял. Он недовольно откинул с лица волосы.

— Я все думаю о посланнике, — снова заговорил он. — Нас нечасто отправляли на Землю для корректировок, только в исключительных случаях, когда душа не откликается на обычное воздействие. Но вы, наверное, в курсе… У вас же тоже бывали корректировки.

— Я слышал, — отозвался Рей, — но до ошибки сам на Земле не был.

— Надо же! Как вы чисто работали, доктор, — с легкой завистью хмыкнул Ник. — Так вот, тогда все ощущалось иначе. — Тебя на короткое время подселяли в человеческое тело. Хозяин никуда не исчезал: его душа оставалась внутри, просто отходила на второй план. Ты действовал вместо человека, помогая ему в конкретной ситуации вернуть возможность выбора и возвращался. Обычно на все были минуты, реже часы.

— А вам никогда не хотелось остаться? — внезапно спросил Рей.

Ник на мгновение повернул к нему голову.

— Тогда? Нет. Там же все было чужое. Это как номер в гостинице. Зачем там оставаться?

— Но кто-то же оставался.

— Бывало. И что бывало дальше, вы знаете не хуже меня…

— Приходил посланник, — тихо сказал Рей.

— Именно. Нарушителя находят и возвращают, душу отправляют на исходную позицию.

На несколько секунд в машине стало слышно только дождь.

— И остается тело с совершенно спокойным лицом, будто человек просто уснул, — тихо закончил Рей.

— Если начистоту, я никогда не видел посланника, — Ник пожал плечами. — Но про них столько рассказывали, что никому не хотелось проверять это на себе лично.

— То есть вы сомневаетесь, правда ли все происходит именно так?

Ник на секунду задумался.

— Да, эту историю знают все. Но вы правы, это не одно и то же.

Хотя именно тут версия с посланником выглядела вполне логично. Я решил, что засветился, заигрался с предметами силы и памяти — раз все убитые так или иначе связаны с моей галереей. Но потом Рид оказался ни при чем. А теперь еще и эта девушка.

— Подарки, — задумчиво произнес Рей. — Грант внезапно пришел с подарком к Анне. Девушка заказала кольцо для Ольсена. Мы не знаем всех деталей про Рида и Фрая, но Фрай стал уходить по ночам… возможно, не куда-то, а к кому-то. Ну а Бриджес с кольцами…

— Я же говорю, с Бриджесом никак не сходится! — перебил его Ник. — Демону не нужны кольца. Это бессмысленно.

Рей повернул к нему голову.

— Почему бессмысленно? — В его голосе слышалось искреннее удивление.

Ник раздраженно постучал пальцами по рулю.

— Потому что кольца — это обещание, а обещание имеет смысл только там, где есть риск потерять. — Он хмыкнул и бросил короткий взгляд в сторону Рея. — Выходит, демон боялся потерять? Мне в это с трудом верится, доктор.

Он сказал это слишком резко и сам услышал в своем голосе злость, которая не относилась к Рею. Ник не привык себя обманывать, и, разумеется, проблема была не в кольцах, а в том, что кольца предполагали «мы». А «мы» всегда тянуло за собой обязательства, которые демону просто не могли прийти в голову. «Просто секс. Ничего личного» — работало именно потому, что не оставляло хвостов. А тут хвост был.

* * *

Рей помолчал, обдумывая сказанное.

— Это не бессмысленно, — наконец сказал он. — Вот почему Посланник мог появиться именно сейчас? Если вся цепочка смертей не связана ни с вами, ни со мной, значит, происходит что-то, что выбивается из правил. Что-то подает сигнал Системе.

— Вы сейчас о чувствах? — скривился Доминик. — Демон привязался и начал светиться, как маячок на радаре? — он сказал это так, будто произнес что-то заведомо неправильное и хотел немедленно это опровергнуть.

— Не только демон. Все они, — кивнул Рей. — Грант пришел с подарком — явно же собирался развивать отношения.

Машина на секунду попала в тень эстакады, в салоне потемнело. Рей не заметил как, а они уже почти подъехали к району, где находился дом Фрая.

— Анна сказала, что он положил подарок и сразу ушел к себе наверх, — Доминик покачал головой. — Смотрел как сквозь нее. Не слишком похоже на горячее признание!

— Наверное, ему нелегко все это далось, — Рей вздохнул. Он слишком хорошо знал это состояние, когда шаг к другому требует доверия, готовности оказаться увиденным и принятым. Тут недостаточно одной смелости. Грант, должно быть, долго колебался, а подарок — это

же безопасно, это можно оставить и уйти, не объясняясь, не проверяя ответную реакцию. В отличие от Доминика, Рей очень хорошо понимал сейчас эмоции Гранта.

— А девушка… — Доминик вдруг осекся.

— Что с ней?

— Она сказала мне: «Не успела. Не смогла».

— Не смогла… что? — спросил Рей почти шепотом. Его словно ударили изнутри, тем самым холодом под ребрами, который всегда возникал в тот момент, когда выбор уже был сделан, но еще до конца не принят, так что на мгновение ему показалось, что он знает ответ. Слишком хорошо он помнил это состояние: когда понимаешь, что можешь вмешаться, и именно поэтому не вмешиваешься, и все равно потом остается это — «не смог».

Доминик медленно покачал головой.

— Не знаю. Не смогла признаться? — он усмехнулся.

— Вмешаться, — сдавленно проговорил Рей и крепко зажмурился. — Я думаю, она могла его спасти.

Теперь все встало на места: и ее заторможенность, и отстраненность, пока она отчаянно пыталась удержаться, совершая абсолютно немыслимый, невозможный выбор.

Машина замедлилась перед перекрестком, Доминик как раз включил поворотник, собираясь свернуть в сторону старого квартала, когда Рей сказал:

— Подождите.

— Что?

— Девушка. Нам нужно к ней.

— Это не наша задача, доктор, — усмехнулся Доминик коротко. — Я совершенно не в настроении проникаться чужими трагедиями.

— Я не прошу вас разделять ее боль, — Рей снова повернулся к нему. — Но оставлять ее сейчас одну просто опасно: Ольсен ушел, но она по-прежнему его любит. И если мы правы, она сейчас светится для Системы, как огромный прожектор.

Доминик выругался сквозь зубы и резко ударил ладонью по рулю.

— Хорошо. Адрес Ольсена у меня есть. Надеюсь, она там. У меня нет ни малейшего желания искать ее по всему городу.

До центра они домчали удивительно быстро. Прежде чем выйти из машины у дома Ольсена, Доминик открыл бардачок и не глядя достал узкий темный клинок.

Рей проследил за его руками, невольно потянувшись пальцами к шраму на своей шее.

— Думаю, что посланник не обрадуется нам обоим. — Доминик захлопнул дверь машины.

Только бы мы не опоздали.

9. Глава, в которой день и ночь не спорят

Дождь начался внезапно. Едва Рей и Доминик шагнули под козырек подъезда, двор перед домом Ольсена превратился в бурный поток. Сверкнула молния, и почти сразу ударил гром, так близко, что оба вздрогнули и переглянулись. Свет над входом замигал, погас на пару секунд, но все же загорелся вновь.

— Вовремя, — с мрачной усмешкой кивнул Доминик и, держа кинжал наготове, решительно потянул на себя тяжелую дверь. Невольно поежившись, Рей двинулся за ним. В голове неприятно кольнуло: а если уже все?

Лифт не работал. В полной тишине — слышался только негромкий отзвук шагов — они поднимались по лестнице. С каждым новым пролетом Рей все сильнее чувствовал странное сопротивление, воздух будто становился плотнее, и еще оно ощущалось тревожно знакомым — предвестник, что что-то пошло не так.

Дверь квартиры Ольсена оказалась слегка приоткрытой. Никто не любит приоткрытые двери, они всегда означают, что что-то уже случилось. И вряд ли что-то хорошее.

Словно в тон мыслям Рея, Доминик нахмурился и шепнул, кивнув на кинжал:

— Я войду первым, — и, не дожидаясь ответа, быстро шагнул внутрь.

Рей спорить не стал — ему это не понравилось, но что он мог предложить взамен? У демона с кинжалом по определению было больше шансов справиться с Посланником.

Но справляться пока не понадобилось, они все же успели первыми.

Воздух в квартире стоял неподвижно, будто окна не открывали целую вечность. Девушка сидела на диване, аккуратно сложив на коленях руки.

— Вы… — начала она и замолчала, словно забыв продолжение фразы.

Рей осторожно сделал шаг вперед, чтобы поймать ее взгляд, и он даже показался ему вполне осмысленным, но словно скользил мимо, как если бы она смотрела сквозь него, а не всматривалась.

— Как вы себя чувствуете? — мягко спросил Рей.

— Уже почти… — медленно ответила она и снова не договорила.

Краем глаза Рей видел, как Доминик быстро осматривает комнату. На первый взгляд ничего необычного: мебель, книги, чашка с остывшим чаем на столе. Открытый футляр с серебряным перстнем рядом на журнальном столике.

— Я знаю, вам сейчас тяжело. Но вы не обязаны быть одна, — тихо продолжил Рей, стараясь удержать на себе внимание девушки. Он не понимал, что происходит. Неужели именно так выглядит ожидание удара?

Она моргнула, на мгновение в лице мелькнуло что-то живое… и тут же исчезло.

— Наверное, — ровно произнесла она.

Молния прорезала комнату ослепительным отсветом, и почти одновременно громыхнуло так, что задрожали стекла, и дождь за окном ударил с удвоенной силой. Где-то в глубине квартиры щелкнуло, свет мигнул и погас.

Посланник?

Спина покрылась холодным потом. Рей потянулся к карману, вытащил телефон, включил фонарик. Луч лихорадочно заскользил по стенам комнаты. Доминик с кинжалом наготове встал слева от двери. Они замерли. Только кровь громко стучала в висках.

Но никого не было!

В воздухе гудело напряжение, перекрывая шум дождя. Вот только не страх и не ожидание удара — скорее пустота и… безнадежность? Рей чувствовал, как их горечь оседает на языке с каждым прерывистым вдохом.

Нет.

Рей похолодел и быстро перевел луч света на девушку. Это было невозможно. И все же… она уходила. Прямо сейчас.

Даже без силы он отчетливо видел, как размывались ее границы — не вокруг нее — в ней самой.

— Доминик… — выдохнул Рей. Голос сорвался. — Никто не придет…

* * *

Тьма трепетала под ребрами, растревоженная ожиданием схватки, и Нику приходилось прилагать массу усилий, чтобы удерживать ее внутри. Кинжал привычной тяжестью лежал в ладони. Он приятно холодил пальцы и помогал сосредоточиться.

— Доминик… Никто не придет, — донесся хриплый, растерянный голос Рея.

Вот только Ник уже это понял сам и оказался рядом с девушкой в одно мгновение.

— Черт… распад! — Так не бывает, но именно это сейчас и происходило — она рассыпáлась у них на глазах. В невидящем взгляде на секунду мелькнуло узнавание.

— Вы… — пробормотала она. — А я ведь даже не попыталась…

Ник не понял, что именно произошло, но Рей вдруг будто опомнился. Он твердо, но осторожно взял девушку за плечи.

— Посмотрите на меня. Вы здесь. Сейчас. Со мной. — Вся его растерянность испарилась, будто ее и не было. Перед Ником снова стоял врач.

Ник с изумлением покачал головой, и в тот же миг вдруг понял, что чертов доктор задумал сделать…

Нет!

Тьма внутри рванулась, сметая тщательно отстроенные барьеры. «Если я сейчас отпущу — пути назад не будет», — мелькнуло в голове. И он все же не дал ей сорваться целиком: тьма выползла наружу, но у Ника осталась возможность ее контролировать.

Темное облако медленно клубилось рядом с высвобожденной ослепительно чистой силой Рея.

Рей на мгновение оглянулся, а потом мягко, но решительно толкнул силу вперед, Ник невольно отпрянул, ожидая вспышки. Силы соприкоснулись… но они вовсе не стремились подавить или вытеснить друг друга!

Словно день и ночь, соседствующие, а не противопоставленные друг другу, они мирно сосуществовали. Более того, Ник с изумлением понял, что они способны сотрудничать. И почему-то это пугало его куда меньше, чем следовало, а что было еще страннее, он инстинктивно знал сейчас, что лучше именно «не мешать» процессу.

Тьма разлилась вокруг девушки, не вторгаясь и не пытаясь ее захватить, защитной оболочкой очерчивая ее ауру, словно восполняющая живительным сном ночь. Свет Рея мягко обволок ее сверху, согревая и наполняя, как солнце дает энергию всему живому в безоблачный летний день.

Силы слаженно работали вместе, выравнивая и удерживая едва не рассыпавшуюся хрупкую ауру.

Свет фонарика дрогнул, мигнул, но остался гореть. Шум дождя за окном медленно затихал. Девушка глубоко вдохнула, ее тело расслабилось, будто она наконец позволила себе дышать в полную силу.

Ник тоже позволил себе выдохнуть и тут же ощутил, как тьма отступила куда-то глубоко внутрь, оставив после себя пустоту и до дрожи пронзительное облегчение. Он давно не чувствовал ничего подобного. Не привычный вкус победы или насыщения, а именно тишину и покой внутри, словно напряжение, с которым он жил так долго, нашло наконец выход, при этом умудрившись ничего вокруг не разрушить.

Рей осторожно отступил назад и оглянулся на Ника. На лице доктора явственно читалось облегчение, перемешанное с беспокойством. Вероятно, он тоже хорошо понимал, чем именно

они сейчас рискуют. Они использовали силу, значит их не могли не заметить. Теперь уже *они* оба светились как чертовы маячки на радаре, и их обоих неминуемо ждало возмездие…

Но снова ничего не произошло.

Дождь за окном совсем стих. Ник медленно выдохнул.

— Это… — начал он.

— Я знаю, — кивнул Рей, — это странно.

— И мне это не нравится, — договорил Ник почти одновременно с тем, как это же произнес Рей.

* * *

Рей подошел к окну и приоткрыл форточку, и в комнату сразу ворвался прохладный, пахнущий дождем воздух. Он будто смыл остатки напряжения, хотя и не до конца. Рей оперся ладонями о подоконник и позволил себе несколько секунд просто дышать.

— Я, конечно, еще ни разу не лечил коллег, и не знаю, насколько это нормально, но… я не почувствовал никакого отклика, — он обернулся к Доминику, — того, что раньше ощущал при лечении.

Доминик стоял, прислонившись к стене, скрестив на груди руки.

— Может, потому что она не человек, — он пожал плечами. — Это все вообще не должно было сработать.

Рей кивнул.

— Не должно.

Несколько секунд оба молчали. Где-то раздражающе капала вода, то ли в ванной, то ли на кухне.

— Знаешь, иногда, когда думаешь, что тебя не видят… — Доминик усмехнулся уголками губ. — … это просто значит, что ты еще не понял, кто именно смотрит. Но да, ты прав, связи с системой не было.

Рей усмехнулся, но не стал комментировать внезапный переход на «ты».

— Но почему тогда она умирала? — Рей посмотрел на девушку. Она сидела, откинув голову на спинку дивана, дышала ровно и спокойно, но глаза еще не открыла. — Это же невозможно.

Доминик нахмурился, покусывая губы, но ничего не ответил.

— Хотя это не было похоже на обычную человеческую смерть… Она распадалась. — Рей вздохнул.

— Уверен, что такого не найти в инструкциях, — усмехнулся Доминик. — Ни в наших, ни в ваших.

Они снова замолчали.

Рею было странно: легче, чем должно было быть, и слишком спокойно после того, что только что произошло. Это немного пугало.

— Я не уверен, что это было лечением… то, что мы сделали, — сказал он наконец.

— На что ты рассчитывал, когда это сделал? — вдруг спросил Доминик. Черные глаза с неподдельным интересом смотрели на Рея. — Наши силы вообще-то не должны сотрудничать. Я не мог даже представить, что они могут столкнуться и ничего не разрушить! Они должны были хотя бы противостоять друг другу. Но, — он помедлил, подбирая слова, — каждая просто заняла свое место…

Рей отвел взгляд к окну, где по стеклу еще стекали капли дождя.

— Я не знал, как это сработает, — сказал он наконец. — Если честно, я вообще не думал о том, как это должно работать. Я просто увидел, что она уходит. — Рей пожал плечами. — В такие моменты ты либо вмешиваешься, либо смотришь, как все заканчивается. А я слишком долго выбирал второе. — Он повернулся к Доминику и снова посмотрел ему в глаза.

— Ты не стал меня останавливать, а стал действовать сам. Помогать. И, кажется, это и было самым верным решением. — Тот не отвел взгляда, и Рей вдруг понял, что Доминик тогда не просто не мешал, он ждал. Ему не нужны были указания или разрешение, он ждал его выбора.

Доминик усмехнулся, потом оторвался от стены, подошел и наклонился над девушкой.

— Неплохо бы еще узнать причину, — задумчиво проговорил он, внимательно вглядываясь в ее лицо. — У нас тут, похоже, эпидемия саморазрушения среди не людей. — Он скривился и покачал головой. — И это чертовски плохая новость…

Рей хотел уже ответить, что не надо торопиться с диагнозом, но в этот момент девушка пошевелилась, вдохнула глубже и открыла глаза.

10. Глава, в которой дождь перестает быть только дождем

Рей уже собирался что-то сказать, но тут девушка зашевелилась, вдохнула и открыла глаза. Он быстро подошел к ней. Ник же наоборот отступил чуть в сторону, не сводя с девушки внимательного взгляда. Тьма внутри молчала, но он привык быть настороже.

— Что происходит?.. — девушка растерянно заморгала, машинально поправила упавшую на глаза белую прядь волос.

— Все хорошо, — сказал Рей негромко. — Как вы себя чувствуете?

— Голова немного кружится. — Она нахмурилась, внимательно оглядела их обоих, не то чтобы с подозрением, скорее с недоумением и интересом.

— Меня зовут Рей, — Рей так явно наблюдал за ней, что Ник очень живо представил, как доктор мысленно ставит галочки: кожные покровы розовые, взгляд осмысленный, дыхание ровное, и невольно хмыкнул.

— А это Доминик, — повернулся к нему Рей, и Ник, пряча улыбку, чуть склонил голову в приветствии.

— Кто вы? Вы… — она запнулась. — Врачи?

— В каком-то смысле. — Рей чуть улыбнулся. — Хмм… Мы ваши бывшие коллеги. «Сверху» и «снизу», — негромко и мягко проговорил он. — Мы помогли вам вернуться.

— Коллеги? — она шумно выдохнула и посмотрела на них с растерянным изумлением. А потом до нее, видимо, дошла и вторая часть фразы. — Помогли вернуться? Значит, это был не сон… — Девушка слегка побледнела.

— Что именно? — уточнил Рей. Удивительно, но несмотря на всю важность вопроса, он продолжал говорить все столь же ровно и мягко, не сбившись ни на секунду.

— Что я исчезаю, — сказала она просто. — Не умираю. А именно… исчезаю

Ник почувствовал, как на ее слова внутри что-то отозвалось — глухо ударило в солнечное сплетение и неприятно сдавило под ребрами.

— К сожалению, это был не сон. — Рей кивнул. — Как вас зовут?

Девушка моргнула.

— Здесь… я Элиза, — ответила она после короткой паузы. — Элиза Морен.

Рей кивнул.

— Что с вами было, Элиза? Вы можете описать?

— Это было… — Голос ее зазвучал неуверенно. — Будто я держала что-то внутри. А потом не смогла больше держать…

Ник слушал, мысленно пытаясь сопоставить ее ощущения с тем, как это выглядело снаружи. Рей тихонько кивал, подбадривая Элизу рассказывать дальше.

— Больно не было, — глухо продолжала она. — Просто… будто меня становилось все меньше, — потом она посмотрела на свои руки и быстро сцепила их в замок. — А в какой-то момент я даже подумала, что, наверное, так все и должно быть, что это заслуженно.

«Значит, не внешний импульс, не страх, не давление», — мысленно отметил Ник.

— Это началось после несчастья с Андре? — осторожно уточнил Рей. Что ж, доктор был прав, несчастье и правда могло стать для нее катализатором, усилив пустоту и усталость.

При звуках знакомого имени Элиза вздрогнула, совсем едва заметно, но Ник все же это уловил. Но потом она качнула головой.

— Андре умер. Он был человеком… — Элиза на секунду закрыла глаза. — А я… — она сбилась, вдохнула. — Я могла его спасти, но не стала. — Она сжала губы, потом подняла взгляд и посмотрела прямо на Рея.

— Не смогла, — добавила она тише. — Испугалась. *За него… и за себя.*

Ник так же успел заметить, как Рей быстро отвел глаза, будто бы не хотел, чтобы она увидела в них что-то лишнее. «Слишком долго выбирал второе», — всплыло в памяти Ника. Похоже, что доктору эта тема была весьма близка и знакома.

Рей глубоко вдохнул и на мгновение сжал пальцы в кулак, словно собираясь с силами.

— Не знаю, кому бы был по плечу подобный выбор, — тихо проговорил он.

Элиза выслушала и кивнула в ответ, но как-то очень неуверенно.

— Видимо, я не одна такая, — сказала она. — Просто… я думала, что должна была знать, как сделать правильно, — она слабо усмехнулась, — а оказалось, я даже не знала, что со мной вообще может что-то случиться.

— Мы еще не полностью люди, но уже и не совсем ангелы, — тихо откликнулся Рей.

— Но вот это, то, что со мной… оно началось раньше. — Элиза снова нахмурилась. — Где-то пару месяцев назад, уже после того, как я встретила Андре.

Под ребрами снова неприятно сжалось, Ник перевел взгляд на перстень, лежащий рядом на столике и еле сдержал ругательства. Значит, все же она — эта чертова попытка привязанности. Или, по крайней мере, шаг в эту сторону.

Он сам до конца не понимал, почему его это так злит. Еще пару секунд смотрел на перстень, будто тот мог заговорить и объяснить ему все происходящее. Не заговорил. Ник выдохнул сквозь зубы и пригладил рукой волосы.

Перстень не мог ответить на все вопросы, зато кое-что другое вдруг встало на место.

Ник взглянул на Рея. Тот выглядел чересчур спокойно и собранно для того, кто только что сделал практически невозможное, а на его лице так же ясно читалась мысль: «мы были правы».

А Ник вдруг понял, что его злит не кольцо, и даже не девушка. Его злит то, что это было слишком похоже на историю, которую он еще не читал, но уже заранее горячо ненавидел. «Одинокие боги». Чертова книга, о которой рассказал Рей, с таким откровенно говорящим названием.

Он резко выпрямился.

— Рей, нам нужно ехать. Книга, — сказал он, не считая нужным ничего дополнительно объяснять.

Рей обернулся.

— Так срочно?

— Да, — Ник уже сделал шаг к двери, но Рей все еще стоял неподвижно, и Ник остановился, бросив взгляд на Элизу. Та сидела, обхватив себя руками за плечи, будто замерзла. Рей присел на корточки, посмотрел ей в глаза.

— Мы ненадолго отъедем, — сказал он негромко. — Вы справитесь?

Элиза кивнула, но не сразу, видимо, и правда всерьез оценивала свое состояние.

— Думаю… да. — Она замялась и потом все же добавила: — Мне просто сейчас страшно снова остаться одной.

— То, зачем мы едем, — очень важно. Но мы вернемся, — объяснил Рей.

Ник хмыкнул про себя. Он редко слышал, чтобы кто-то говорил таким тоном, и еще реже видел, чтобы подобному верили. Вот только из уст Рея это прозвучало как факт, а не как пустословное обещание. И Элиза явно поверила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.